

Бестселлер New York Times

ЭТА

одно незабываемое лето

ЛАСКОВАЯ

путешествие, меняющее жизнь

ЗЕМЛЯ

УИЛЬЯМ
КЕНТ КРЮГЕР

Уильям Кент Крюгер
Эта ласковая земля
Серия «Лабиринты жизни»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63638091
Эта ласковая земля: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-132644-9

Аннотация

Для поклонников «Там, где раки поют» прекрасная, незабываемая история о любви и предательстве, мудрости, трусости и готовности жертвовать собой и, конечно, о всепоглощающей надежде.

Летом 1932 года во времена Великой депрессии четыре сироты сбегают от суровой жизни в Линкольнской школе, куда детей отправляют насильно, разлучая с семьями, в поисках места, которое они смогут назвать домом. Они пускаются по реке Миссисипи в путешествие, которое повлияет не только на их жизни, но и на отношение к миру и друг другу.

Это путешествие чревато опасностями – как со стороны самой реки, где они подстерегают на каждом повороте, так и со стороны людей и закона.

Друзьям еще предстоит узнать, что этот мир не только жесток, но и полон прекрасных людей, готовых поделиться своей заботой и тем немногим, что осталось у них самих.

Книга, которая однозначно станет современной классикой!

Содержание

Часть первая	10
Пролог	10
Глава первая	12
Глава вторая	23
Глава третья	36
Глава четвертая	43
Глава пятая	60
Глава шестая	72
Глава седьмая	84
Глава восьмая	94
Глава девятая	104
Глава десятая	111
Глава одиннадцатая	125
Часть вторая	130
Глава двенадцатая	130
Глава тринадцатая	146
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Уильям Кент Крюгер

Эта ласковая земля

William Kent Krueger

THIS TENDER LAND

Публикуется с разрешения издательства Atria Books, a division of Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© 2019 by William Kent Krueger

© Максимова М.В., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Лабиринты
жизни*

УИЛЪЯМ
КЕНТ КРЮГЕР

ЭТА
ЛАСКОВАЯ
ЗЕМЛЯ

Издательство АСТ

Буди, с любовью

Муза, скажи мне о том многоопытном муже...¹
«Одиссея», Гомер

¹ Перевод В.А. Жуковского (здесь и далее прим. пер.).

Часть первая

Бог есть торнадо

Пролог

В самом начале, после того как сотворил Он небо и землю, свет и тьму, сушу и моря и все живое, что их населяет, после того как сотворил Он мужчину и женщину, и перед самым отдыхом Бог наделил нас последним даром. Чтобы не забывали мы о божественном источнике всей этой красоты, Он дал нам истории.

Я – сказитель. Я живу в доме под сенью платана на берегах реки Гилеад. Правнуки, когда приезжают в гости, зовут меня стариком.

– «Старик», какое клише, – притворно сержусь я. – Чудовищное упрощение. Оскорбление. Я родился вместе с солнцем и землей, лунной и планетами и всеми звездами. Каждый атом моего тела свидетель начала времен.

– Ты врун, – в шутку ругаются они.

– Не врун. Сказитель, – напоминаю я.

– Тогда Расскажи нам сказку, – просят они.

Меня не нужно уговаривать. Сказки – сладкий плод моего существования, и я с удовольствием делюсь ими.

События, которыми я собираюсь вами поделиться, начались на берегах Гилеада. Даже если вы выросли в центре страны, вы можете не знать о них. Случившееся летом 1932 года особо памятно для тех, кто это пережил, а нас осталось не так уж много.

Гилеад прелестная река, обрамленная тополями, которые уже были древними, когда я был мальчишкой.

Тогда все было по-другому. Не проще или лучше, просто по-другому. Мы путешествовали не так, как сейчас, и для большинства жителей округа Фремонт, что в штате Миннесота, мир ограничивался территорией, которую охватывал глаз до горизонта. Им было бы невдомек, как и мне тогдашнему, что если убить человека – изменишься навсегда. Если тот человек вернется к жизни – переродишься. Я видел это и другие чудеса собственными глазами. Поэтому среди прочих мудростей, которым научила меня жизнь за все эти годы, есть и такая: будь открыт для любых возможностей, потому что для сердца нет ничего невозможного.

История, которую я расскажу, произошла далеким летом. Она об убийстве и похищении и о детях, за которыми гонятся демоны с тысячей имен. В этой истории будут смелость и трусость. Будут любовь и предательство. И конечно же там будет надежда. Ведь в конце концов, разве все хорошие истории не про нее?

Глава первая

Имя крысе дал Альберт. Он назвал ее Фариа.

Крыса была старой, серой в белую крапинку. Она почти всегда жалась к стенам крошечной камеры, когда семеняла в угол, куда я клал несколько крошек жесткого сухаря, из которого состоял мой ужин. Ночью я ее вообще не видел, но слышал тихое шуршание соломы, когда она двигалась от широкой щели между угловыми блоками по полу, хватала крошки и возвращалась тем же путем. Когда луна оказывалась напротив узкой щели, бывшей единственным окном, и ее свет падал на камни восточной стены, мне иногда удавалось уловить отблеск на худеньком тельце Фариа, его шкурка сверкала приглушенно серебристым цветом, а свисающий тонкий хвост казался добавленным не к месту во время сотворения.

В первый раз, когда меня посадили в место, которое Брикманы называли тихой комнатой, вместе со мной заперли и моего старшего брата Альберта. Ночь выдалась безлунной, в крохотной камере было темно, хоть глаз выколи, постелью нам служила тонкая соломенная подстилка на земляном полу. Дверь представляла собой огромный прямоугольник ржавого железа с прорезью для тарелки, на которой никогда не было ничего, кроме одного жесткого сухаря. Я перепугался до смерти. Позже Бенни Блэквел, сиу из Роузбада, рас-

сказал нам, что когда-то Линкольнская школа для индейцев была военным форпостом и называлась форт Сибли, а тихая комната служила карцером. В те дни в ней держали воинов. Во времена, когда туда попали мы с Альбертом, там держали только детей.

Тогда я ничего не знал о крысах, кроме сказки про Гамельнского крысолова², который избавил город от грызунов. Я думал, что это грязные животные, которые едят все подряд и, может, даже съедят нас. Альберт, который был на четыре года старше и намного умнее, сказал, что люди больше всего боятся того, чего не понимают, и если тебя что-то напугало, надо узнать это поближе. Это не значит, что оно перестанет быть страшным, но с известным страхом справиться легче, чем с тем, который ты навоображал. И вот Альберт дал крысе имя, потому что имя делало ее не просто крысой. Когда я спросил, почему Фариа, он сказал, что это из книги «Граф Монте-Кристо». Альберт любил читать. Мне же нравилось сочинять собственные истории. Когда меня сажали в тихую комнату, я кормил Фарию крошками и придумывал сказки про него. Я прочитал о крысах в потрепанной «Британской энциклопедии» со школьной библиотечной полки и обнаружил, что они умные и социальные. За множество ночей, проведенных в изоляции тихой комнаты, я стал считать малень-

² Гамельнский крысолов – герой средневековой немецкой легенды. Согласно ей музыкант обманул магистр города Гамельна: он отказался вознаградить музыканта за избавление города от крыс. С помощью колдовства крысолов увёл за собой городских детей, которых больше никто никогда не видел.

кого зверька другом. Фариа. Крыса исключительная. Спутник неудачников. Товарищ по заключению в мрачной тюрьме Брикманов.

В ту первую ночь нас с Альбертом наказали за возражения миссис Тельме Брикман, директрисе школы. Альберту было двенадцать, а мне восемь. Мы оба были новичками в Линкольнской школе. После ужина – водянистого безвкусного рагу, в котором плавало всего несколько кусочков моркови и картошки, что-то зеленое и склизкое и малость свиных хрящиков, – миссис Брикман села во главе большой столовой и рассказала всем детям сказку. Большинство ужинов заканчивалось одной из сказок миссис Брикман. Обычно в них содержался некий моральный урок, который она считала важным. После она спрашивала, есть ли вопросы. Позже я понял, что это было тщеславие, создание видимости, будто с ней возможен диалог, разговор между разумным взрослым и разумным ребенком. Тем вечером она рассказывала сказку про состязания черепахи и зайца. Когда она спросила, есть ли вопросы, я поднял руку. Она улыбнулась и обратилась ко мне:

– Да, Оди?

Она знала мое имя. Я был в восторге. Среди моря детей, которых было так много, что я не надеялся когда-нибудь запомнить имена всех, она помнила мое. Я еще подумал: это потому, что мы новенькие, или потому, что мы самые светлокожие в просторном помещении, полном индейских дети-

шек.

– Миссис Брикман, вы сказали, что смысл истории в том, что быть ленивым плохо.

– Это так, Оди.

– Я думал, что смысл в том, что выигрывает медленный и упорный.

– Не вижу разницы.

Ее голос звучал строго, но не резко, до поры до времени.

– Миссис Брикман, папа читал мне эту историю. Это одна из басен Эзопа. И он сказал...

– Он сказал? – Теперь что-то в ее манере говорить изменилось. Как будто она пыталась выкашлять застрявшую в горле рыбную кость. – Он сказал?

Миссис Брикман сидела на высоком табурете, чтобы ее было видно всем в столовой. Она слезла с табурета и пошла между длинными столами – девочки с одной стороны, мальчики с другой – к тому месту, где сидели мы с Альбертом. В абсолютной тишине огромного помещения я слышал скрип, скрип ее резиновых подошв по старым половицам. Мальчик рядом со мной, имени которого я еще не знал, отодвинулся, словно стремясь оказаться подальше от места, куда вот-вот ударит молния. Я бросил взгляд на Альберта, и он покачал головой, показывая, чтобы я молчал.

Миссис Брикман встала надо мной.

– Он сказал?

– Д-д-да, мэ, – ответил я, заикаясь, но не менее почти-

тельно.

– И где он?

– В-в-вы знаете, миссис Брикман.

– Мертв, вот где. Его больше нет, чтобы читать тебе истории. Теперь ты слушаешь мои истории. И они значат то, что я говорю. Понятно?

– Я... я...

– Да или нет?

Она наклонилась ко мне. Она была стройной, с нежным овальным личиком жемчужного цвета. Ее глаза были зелеными и острыми, как молодые шипы на розовом кусте. Длинные черные волосы она носила распущенными и расчесывала, пока они не становились мягкими, как кошачья шерстка. От нее пахло тальком и – еле уловимо – виски, эти ароматы с годами станут мне хорошо знакомы.

– Да, – сказал я как никогда тихо.

– Он не хотел проявлять неуважение, мэм, – вмешался Альберт.

– Я с тобой разговариваю?

Зеленые шипы ее глаз воткнулись в моего брата.

– Нет, мэм.

Она выпрямилась и обвела столовую взглядом.

– Еще вопросы?

Я думал – надеялся, молился – что на этом все и закончится. Но в тот вечер мистер Брикман пришел в спальню и вызвал нас с Альбертом. Мужчина был высоким, худощавым

и красивым, по мнению многих женщин в школе, но я видел только его огромные черные зрачки. Он напоминал мне змею с ногами.

– Мальчики, сегодня вы спите в другом месте, – сказал он. – Идите за мной.

В ту первую ночь в тихой комнате я почти не сомкнул глаз. Стоял апрель, и гулявший по пустошам Дакоты ветер еще был холодным. Со смерти папы не прошло и недели. Наша мама умерла за два года до этого. В Миннесоте у нас не осталось ни родни, ни друзей – никого, кто знал бы или волновался о нас. Мы были единственными белыми мальчиками в школе для индейцев. Что может быть хуже? Но потом я услышал крысу и остаток долгой темной ночи до рассвета жался к Альберту и железной двери, подняв колени к подбородку, не скрывая слез, которые видел только Альберт и до которых все равно никому, кроме него, не было дела.

Между первой ночью и той, что я только что провел в тихой комнате, прошло четыре года. Я подросток, изменился. Прежний испуганный Оди О'Бэньон давно умер, как мама с папой. Нынешний Оди имел склонность к бунту.

Услышав, что в замке повернулся ключ, я сел на соломенной подстилке. Железная дверь распахнулась, и внутрь ворвалось утреннее солнце, на мгновение ослепив меня.

– Наказание истекло, Оди.

Еще не видя лица, я с легкостью узнал голос. Герман

Вольц, старый немец, который заведовал столярной мастерской и был младшим воспитателем у мальчиков. Мужчина стоял в дверном проеме, на мгновение загородив слепящее солнце. Он смотрел на меня сверху вниз сквозь толстые очки с мягким и сожалеющим выражением на бледном лице.

– Она хочет тебя видеть, – сказал он. – Я должен привести тебя.

Вольц говорил с немецким акцентом, поэтому его «ч» и «ж» звучало как «ш», а «в» как «ф». Получалось: «Она хошет тебя витьеть. Я толшен привести тебя».

Я встал, сложил тонкое одеяло и повесил его на приделанный к стене прут, чтобы им мог воспользоваться следующий ребенок, который займет эту комнату, зная, что скорее всего это снова буду я.

Вольц закрыл за нами дверь.

– Хорошо спал? Как твоя спина?

Часто заключению в тихой комнате предшествовала порка, и прошлый вечер не стал исключением. Спина болела от рубцов, но говорить о них не было смысла.

– Мне снилась мама, – сказал я.

– Правда?

Тихая комната была последней в ряду комнат в длинном здании, которое когда-то служило гауптвахтой форта. Остальные помещения – бывшие камеры – превратили в кладовки. Мы с Вольцем прошли по старой гауптвахте и пересекли двор по направлению к двухэтажному административ-

ному зданию из красного камня в окружении величественных вязов, которые посадил первый комендант форта Сибли. Деревья отбрасывали на здание тень, отчего внутри всегда царил полумрак.

– Значит, хороший сон? – спросил Вольц.

– Она плыла по реке в лодке. Я тоже сидел в лодке и пытался догнать ее, увидеть ее лицо. Но как бы быстро я ни греб, она все время оказывалась далеко впереди.

– Не похоже на хороший сон, – сказал Вольц.

На нем были чистый полукомбинезон и голубая рабочая рубашка. Его огромные руки, покрытые шрамами и порезами из-за работы, висели по бокам. На правой не хватало половины мизинца – результат происшествия с ленточной пилой. За глаза некоторые дети называли его Четыре-С-Половиной, но не мы с Альбертом. Столяр-немец всегда был добр к нам.

Мы вошли в здание и направились напрямик к кабинету миссис Брикман. Она сидела за большим столом, за ее спиной располагался каменный камин. Я несколько удивился, увидев в кабинете Альберта. Он стоял навтыжку рядом с ней, как солдат по команде «смирно». Лицо его ничего не выражало, но глаза говорили мне: «Осторожнее, Оди».

– Благодарю, мистер Вольц, – сказала директриса. – Можете подождать снаружи.

Развернувшись, Вольц положил руку мне на плечо мимолетным жестом, за который я был благодарен.

– Ты меня беспокоишь, Оди, – заговорила миссис Брик-

ман. – Я начинаю думать, что твое время в Линкольнской школе подходит к концу.

Я не был уверен, что это значит, но не думал, что это так уж плохо.

Директриса была в платье своего любимого черного цвета. Я однажды слышал, как мисс Стрэттон, учительница музыки, говорила другой учительнице, что это потому, что миссис Брикман одержима своей внешностью и считает, что черный стройнит. Это действовало, потому что директриса напоминала мне не что иное, как длинную тонкую рукоятку кочерги. Ее пристрастие к этому цвету породило прозвище, которым пользовались все, когда она не слышала, – Черная ведьма.

– Оди, ты понимаешь, что я имею в виду?

– Не уверен, мэм.

– Несмотря на то, что вы не индейцы, шериф попросил нас принять вас с братом, потому что в государственном приюте не было мест. И мы это сделали по доброте душевной. Но для такого мальчика, как ты, Оди, есть другой вариант. Исправительный дом. Ты знаешь, что это такое?

– Знаю, мэм.

– И ты хочешь, чтобы тебя туда отправили?

– Нет, мэм.

– Так я и думала. Тогда, Оди, что ты будешь делать?

– Ничего, мэм.

– Ничего?

– Я не буду делать ничего, чтобы меня туда отправили,

МЭМ.

Она положила руки на стол, одну поверх другой, и широко расставила пальцы, так что они образовали на полированном дереве нечто похожее на паутину. Она улыбнулась мне, как только что поймавший муху паук.

– Хорошо. Хорошо. – Она кивнула на Альберта. – Тебе надо больше равняться на брата.

– Да, мэ. Я буду стараться. Можно мне забрать гармонику?

– Она очень дорога тебе, верно?

– Не особенно. Просто старая губная гармоника. Мне нравится играть. Помогает держаться подальше от неприятностей.

– Кажется, подарок твоего отца.

– Нет, мэ. Я просто нашел ее где-то. Даже уже и не помню где.

– Занятно. Альберт сказал, что это подарок вашего отца.

– Видите? – пожал я плечами. – Не настолько важная, чтобы запомнить, откуда она взялась.

Миссис Брикман внимательно посмотрела на меня, потом сказала:

– Очень хорошо.

Она достала из кармана платья ключ, отперла ящик стола и достала гармонику.

Я потянулся за ней, но директриса отодвинула ее назад.

– Оди?

– Да, мэм?

– В следующий раз я заберу ее навсегда. Ты понял?

– Да, мэм. Понял.

Она отдала мне гармонику, и ее длинные пальцы коснулись моей руки. Я собирался, как только вернусь в спальню, воспользоваться хозяйственным мылом в душевой и скрести эту руку до крови.

Глава вторая

– Исправительный дом, Оди, – сказал Альберт. – Она не шутила.

– Я нарушил закон?

– Эта женщина всегда получает то, что хочет, Оди, – предостерег Вольц.

– Да и черт с этой Черной ведьмой, – сказал я.

Мы вышли из-под вязов и пошли к большому, поросшему травой двору, который когда-то был плацем форта Сибли. Прямо на юг за огромным прямоугольником располагались кухня и столовая. Остальной периметр охватывали другие школьные здания: корпус для младших детей, прачечная, ремонтная мастерская и столярная и плотницкая мастерские одна над другой. Чуть поодаль стоял корпус для старших детей и главное учебное здание, построенные позже. Все было построено из местного красного камня. Еще дальше располагались стадион, водонапорная башня, гараж, в котором стояли крупногабаритная техника и школьный автобус, склад и старая гауптвахта. Вдоль северной границы участка протекала река Гилеад.

Утро выдалось солнечным и теплым. Мальчики, которым сегодня были назначены работы во дворе, уже косили траву и подрезали кусты вдоль аллей. Несколько девочек стояли на коленях на пешеходных дорожках с ведрами и щетками и от-

мывали бетон. Кто так моет дорожки? Это было бесполезное занятие, но все мы знали, что оно должно вбить в голову девочкам их полную зависимость и абсолютный контроль школы. Когда мы проходили мимо, они поднимали головы, но ни одна не рискнула заговорить под бдительным взглядом дворника, неопрятного хмурого мужчины по имени ДиМарко. Рубцы на моей спине его рук дело. Когда в Линкольнской школе нужно было высечь мальчика, этим обычно занимался ДиМарко, и он наслаждался каждым ударом кожаного ремня. Был конец мая, и уроков в школе не было. Многие ученики на лето разъехались домой к семьям в резервации Миннесоты, обеих Дакот, Небраски или даже дальше. Дети вроде нас с Альбертом, у которых не было семьи или чьи семьи были слишком бедны или слишком сломлены, чтобы принять их, жили в школе круглый год.

В спальне Альберт промыл рубцы на моей спине, а Вольц бережно нанес ведьмин орех³, который держал под рукой как раз для подобных случаев. Я умылся, и мы отправились в столовую. Над входом до сих пор была высечена надпись «Столовая», сохранившаяся с тех времен, когда тут кормили солдат. Теперь ею распоряжалась суровая миссис Петерсон, отвечавшая за питание всех детей. Пол огромного зала, хоть и ужасно истертый, всегда был чисто выметен. После каждо-

³ Ведьмин орех, или гамамелис, – растение, чьи листья обладают целебными и обеззараживающими свойствами и широко применяются в народной медицине.

го приема пищи ряды столов протирали водой с капелькой хлорки. Кухней и пекарней заправляла твердая рука. Я слышал, как миссис Петерсон жаловалась на вечную нехватку денег на покупку нормальной еды, но умудрялась обходиться тем, что было. По правде сказать, в супах воды было больше, чем твердых ингредиентов, и на вкус они больше походили на жижу из канавы, хлеб был таким жестким и тяжелым, что хоть камни дробы (она заявляла, что дрожжи слишком дорого стоят), а мясо, когда оно вообще было, по большей части содержало лишь хрящи, но все дети ели три раза в день.

Когда мы вошли в столовую, Герман Вольц сказал:

– Оди, у меня для тебя плохие новости. Но есть и хорошие. Сначала плохие. Сегодня тебя назначили работать на поле к Бледсо.

Я посмотрел на Альберта и убедился, что так и есть. И правда плохая новость. Мне почти захотелось обратно в тихую комнату.

– И еще ты пропустил завтрак. Но это ты и так знаешь.

Завтрак подавали ровно в семь. Вольц выпустил меня не раньше восьми. В этом не было его вины, так велела миссис Брикман. Последнее наказание. Оставить меня без завтрака.

И это перед одной из самых тяжелых работ, которые могли достаться воспитаннику Линкольнской школы. Мне стало интересно, какова же хорошая новость.

Это выяснилось почти сразу. Со стороны кухни появилась Донна Высокий Ястреб в белом переднике и белой же повяз-

ке на голове. Она несла выщербленную белую миску с манной кашей. Донне, как и мне, было двенадцать. Она родилась в племени виннебаго⁴ в Небраске. Она приехала в Линкольнскую школу два года назад, тощая и тихая, с волосами, заплетенными в две косы. Косы остригли, а оставшиеся волосы прочесали гребнем для гнид. Как и с других новичков, с нее сняли обноски, вымыли керосином и одели в школьную форму. Она плохо говорила по-английски и почти никогда не улыбалась. За годы учебы в Линкольне я понял, что для детей из резервации в этом не было ничего необычного.

Но теперь она застенчиво улыбнулась, поставила миску на стол передо мной и принесла ложку.

– Спасибо, Донна, – сказал я.

– Благодарю мистера Вольца, – ответила она. – Он спорил с миссис Петерсон. Сказал ей, что это преступление – заставлять тебя работать на голодный желудок.

Вольц засмеялся:

– Пришлось пообещать сделать ей новую скалку.

– Миссис Брикман это не понравится, – сказал я.

– Миссис Брикман не обязательно об этом знать. Ешь, – сказал Вольц. – Потом я отвезу тебя к Бледсо.

– Донна, – окликнул женский голос с кухни. – Не копайся.

– Тебе лучше идти, – посоветовал Вольц.

⁴ Виннебаго – индейское племя группы сиу, живущее на территории штатов Небраска и Висконсин. Этот народ называет себя *хочангра*, что означает «люди языка праотцов».

Девочка послала мне последний загадочный взгляд и исчезла в кухне.

– Ешь, Оди, – сказал Вольц. – Я пойду задобрю миссис Петерсон.

Мы с Альбертом остались одни, и он заговорил:

– О чем ты только думал? Змея?

Я принялся за горячую кашу.

– Это не я.

– Точно. Это всегда не ты. Боже, Оди, ты только что стал на шаг ближе к отчислению из школы.

– Какой ужас.

– Думаешь, в исправительном доме будет лучше?

– Хуже быть не может.

Он смерил меня суровым взглядом.

– Где ты взял змею?

– Я же сказал, это не я.

– Ты можешь сказать мне правду, Оди. Я не миссис Брикман.

– Только ее прислужник.

Это его проняло, и я подумал, что он мне врежет, но он только сказал:

– Она серьезно относится к своим словам.

– Она одна такая.

Я улыбнулся, вспомнив ее дикий танец, когда змея проползла по ее ступне. Черный полоз, совершенно безобидный. Если бы это была шалость, то очень дерзкая, из-за непременно-

но последовавшей бы порки. Даже я дважды подумал бы. Но я подозревал, что тварь заползла с улицы в столовую случайно.

– Уверен, она намочила панталоны. Всем было смешно.

– Но выпороли тебя и оставили на ночь с Фариа. А теперь ты будешь работать на полях у Бледсо.

– Выражение ее лица того стоило.

Это была не совсем правда. Я знал, что к заходу солнца пожалею, что змею повесили на меня. Рубцы на спине, оставленные ДиМарко, еще болели, а от сенной пыли и собственного соленого пота станет еще хуже. Но я не хотел, чтобы самодовольный всезнайка Альберт видел мое беспокойство.

Тогда моему брату было шестнадцать. В Линкольнской школе он сильно вытянулся. У него были блекло-рыжие волосы с непослушным хохолком на макушке, и, как у большинства рыжих, легко появлялись веснушки. Летом его лицо было сплошь покрыто пятнами. Он стеснялся своей внешности и считал ее странной, поэтому старался компенсировать это интеллектом. Альберт был самым умным ребенком, которого я знал, самым умным ребенком, которого знал кто-либо в Линкольнской школе. Он не отличался спортивными успехами, но его уважали за ум. И он был до невозможности честным. Это не было семейной чертой, поскольку мне было плевать на то, что Альберт называл моралью, а наш папа был своего рода мошенником. Но мой брат становился непоколебим, когда дело доходило до правильных поступков. Или

того, что он считал правильным. В этом я не всегда с ним соглашался.

– Где ты работаешь сегодня? – спросил я между ложками каши.

– Помогаю Конраду с техникой.

Это была еще одна особенность Альберта. У него были золотые руки. Его мозг мог решить техническую загвоздку, от которой все остальные только чесали в затылках. Его часто отправляли под начало Бада Конрада, который работал в школе завхозом. В результате Альберт разбирался в котлах, насосах и моторах. Я думал, что в будущем он станет инженером. Сам я еще не знал, кем хочу быть. Знал только, что кем бы я ни стал, я буду уже далеко от Линкольнской школы.

Я почти доел кашу, когда услышал детский голосок:

– Оди! Альберт!

К нам бежала малышка Эмми Фрост, а следом шла ее мать. Кора Фрост преподавала девочкам домоводство: учила готовить, шить, гладить, украшать, убираться, а также учила всех нас читать. Она была невзрачной и худощавой, со светло-русыми волосами, но сейчас я уже не помню точно, какого цвета были ее глаза. У нее был длинный нос со кривым кончиком. Мне всегда было интересно, был ли он сломан в юности и неудачно вправлен. Она была доброй и отзывчивой, и хотя большинство парней не называли бы ее красоткой, для меня она была прекрасна, как ангел. Я всегда думал о ней, как о драгоценном камне: красота не в самом

камне, а в том, как сквозь него сияет свет.

Эмми, напротив, была очаровашкой, с густой копной кудряшек, как у Сиротки Энни из комикса, и мы все ее любили.

– Рада, что тебя покормили, – сказала миссис Фрост. – Тебя ждет очень насыщенный день.

Я потянулся пощекотать Эмми. Она захихикала и отступила на шаг. Я поднял глаза на ее мать и горько качнул головой.

– Мистер Вольц сказал мне. Я работаю на полях Бледсо.

– Тебя хотели отправить работать к мистеру Бледсо. Мне удалось изменить твоё назначение. Сегодня вы работаете на меня. Ты, Альберт и Мозес. Моим саду и огороду требуется уход. Мистер Брикман только что дал мне разрешение забрать вас троих. Заканчивай завтрак и поедем.

Я проглотил остатки каши и отнес миску на кухню, где объяснил мистеру Вольцу ситуацию. Он следом за мной вернулся к столу.

– Вы уговорили Брикмана изменить решение? – спросил немец, явно под впечатлением.

– Небольшой взмах ресниц, мистер Вольц, и этот мужчина тает, как масло на сковородке.

Это могло бы быть правдой, будь она красавицей. Я подозревал, что его покорило её доброе сердце.

– Оди, – сказал Вольц, – это не значит, что сегодня ты не стараешься.

– Я буду очень стараться, – пообещал я.

– Я прослежу за этим, – сказал Альберт.

На прием пищи дети заходили в столовую с разных сторон: девочки – через восточную дверь, мальчики – через западную. Тем утром миссис Фрост вывела нас в дверь для мальчиков, которую не было видно из административного корпуса. Я понял, что она не хотела, чтобы Тельма Брикман заметила нас и отменила решение мужа. Все прекрасно знали, что хоть мистер Брикман и носил брюки, яйца были у его жены.

Миссис Фрост вела свой пыльный пикап модели «Т» по дороге, которая шла вдоль реки Гилеад в городок Линкольн в полумиле к востоку от школы. Эмми сидела впереди с нею. Мы с Альбертом сидели в открытом кузове. Мы проехали площадь, на которой стояли здание суда округа Фремонт, раковина для оркестра и две пушки, из которой во время Гражданской войны стрелял первый добровольческий пехотный полк Миннесоты. На площади стояло множество автомобилей, но шел 1932 год и не каждый фермер мог позволить себе машину, так что присутствовали и повозки, запряженные лошадьми, привязанными к столбам. Мы проехали «Булочную Хартмана», и я уловил запах теплого хлеба, дрожжевого, об который не обломаешь зубы. Несмотря на то, что я уже поел кашу, от запаха хлеба мне опять захотелось есть. Мы проехали полицейский участок, и офицер на тротуаре поприветствовал миссис Фрост, приложив пальцы к фураж-

ке. Он внимательно посмотрел на нас с Альбертом, и его суровый взгляд вызвал в памяти угрозы миссис Брикман насчет исправительного дома, от которых я притворно отмахнулся, но на самом деле очень испугался.

За городом вся земля была распахана. Грунтовая дорога бежала между полями, на которых ровными рядами пробивалась из черной земли зеленая кукуруза. Я читал, что раньше здесь была сплошная прерия с травой выше человеческого роста, а слой жирной черной почвы составлял пятьдесят футов. На западе возвышался Буффало-Ридж, длинная цепь низких, не пригодных для земледелия холмов, за которыми лежала Южная Дакота. На востоке, куда мы ехали, земля была ровной, и я увидел огромные сенокосные угодья Гектора Бледсо задолго до того, как мы доехали до места.

В Линкольнской школе для индейцев мальчики были добычей для Бледсо или почти любого фермера в округе, которому требовался бесплатный труд. Это считалось частью «обучения». Из которого мы не вынесли ничего, кроме понимания, что лучше умереть, чем быть фермерами. Это была изнурительная, грязная работа – чистить скотные дворы, кормить свиней, удалять метелки с кукурузы, вырубать дурман, и все это под безжалостным солнцем, – но хуже всего была заготовка сена для Бледсо. Целый день ворочать огромные тюки сена, обливаясь потом, покрываться сенной пылью, от которой все чешется, будто тебя грызет миллион блох. Никаких перерывов, кроме обеда, который обычно со-

стоял из сухого сэндвича и нагретой на солнце воды. Из Линкольнской школы к Бледсо отправляли ребят покрупнее и постарше или таких, как я – проблемных. Из-за того что я не был таким сильным, как старшие мальчики, меня шпынял не только Бледсо. Остальные мальчики тоже жаловались, что я не выполняю свою долю работы. Когда с нами был Альберт, он защищал меня от нападков, но Альберт был любимчиком Черной ведьмы и редко работал на Бледсо.

Миссис Фрост въехала на поле, где скошенная и сухая люцерна лежала рядами, казалось, до самого горизонта. Бледсо на тракторе управлял упаковочным прессом. Несколько ребят вилами забрасывали сено в аппарат, другие шли следом, поднимали тюки с земли и закидывали их в кузов грузовика, за рулем которого сидел сын Бледсо, крупный парень по имени Ральф, точь-в-точь такой же зловредный, как его старик. Миссис Фрост остановилась на пути трактора и подождала, пока Бледсо доедет до нее. Он заглушил мотор и слез с сиденья. Я бросил взгляд на ребят из школы, без рубашек, потных как мулы. Из-за пыли их черные волосы стали золотистыми. На лицах читалось знакомое мне выражение: облегчение, что можно передохнуть несколько минут, и ненависть, оттого что мы с Альбертом не страдаем вместе с ними.

– Доброе утро, Гектор, – весело сказала миссис Фрост. – Как работа?

– Шла хорошо, – сказал Бледсо. Он не снял в присутствии женщины свою большую соломенную шляпу. – Чего надо?

– Одного из ваших юношей. Мистер Брикман обещал его мне.

– Кто бы это ни был, Брикман обещал мне первому.

– А потом передумал.

– Он мне не звонил.

– А как он позвонит вам, если вы в поле?

– Мог бы позвонить супруге.

– Хотите, сделаем хороший долгий перерыв и поедем к вам домой спросить у Розалинд?

Что займет добрых полчаса. Ребята из Линкольна прива-
лились к прессу с надеждой на лицах.

– Или вам будет достаточно моего слова леди?

Я прямо видел, как его мозг спотыкается на кочках этого вопроса. Если он не готов назвать ее лгуньей, то ему придется уступить. Все в его черном, сморщенном, мелком сердце протестовало против этого, но он не мог усомниться в слове этой женщины, учительницы, вдовы. Было нетрудно увидеть, как он ненавидит ее за это.

– Кого вам? – спросил он.

– Мозеса Вашингтона.

– Сукин сын! – Теперь он снял свою шляпу и в ярости швырнул ее на землю. – Проклятье, он лучший.

– И теперь он мой, Гектор. – Она посмотрела на мальчика, который стоял на прессе и забрасывал в него сено. – Мозес, надевай рубашку и едем со мной.

Мозес схватил рубашку и ловко соскочил с агрегата. Он

подбежал к машине миссис Фрост, легко запрыгнул в кузов и сел рядом со мной и Альбертом, прислонившись спиной к кабине. Он показал: «Привет», а я показал: «Везучий ты, Моз». Он ответил: «Мы везучие» – и обозначил в воздухе круг, включавший меня, Альберта и его.

– Что же, – сказала миссис Фрост, – полагаю, я получила то, за чем приехала.

– Полагаю, да, – сказал Бледсо и наклонился за шляпой.

– О, и если желаете, вот письменное разрешение мистера Брикмана.

Она протянула Бледсо бумагу.

– Могли бы дать с самого начала.

– Как и вы могли бы поверить мне на слово. Хорошего дня.

Уезжая с поля, мы смотрели, как Бледсо забирается обратно на трактор и ведет его вдоль длинного ряда сухой люцерны, а мальчики из Линкольнской школы снова принимаются за свой тяжелый труд.

Рядом со мной Мозес знаком поблагодарил утреннее солнце и снова показал: «Мы везучие».

Глава третья

Ферма Кору Фрост лежала в двух милях к востоку от Линкольна, на южном берегу реки Гилеад. Там стояли старый дом, небольшой яблоневый сад, обширный огород, сарай и несколько хозяйственных построек. Когда был жив ее муж, они засадили большой участок земли кукурузой. Они с Эндрю Фростом оба работали в Линкольнской школе, мистер Фрост был школьным тренером. Мы все его любили. Он был наполовину сиу⁵, наполовину шотландско-ирландского происхождения и был блестящим спортсменом. Он учился в Карлайлской индейской школе в Пенсильвании и лично знал Джима Торпа⁶. Когда ему было одиннадцать лет, он сидел на трибунах в день, когда великий спортсмен помог своей команде индейских детей потрясти весь мир, обыграв высококлассную футбольную команду Гарварда. Мистер Фрост погиб в результате несчастного случая. Он сидел на дисковой бороне с маленькой Эмми на коленях и правил Большим Джорджем, огромным тяжеловозом Фростов. Они проходили по вспаханному полю, измельчая свежевывороченные пласты черной почвы. Разворачиваясь на краю поля, Большой Джордж потревожил гнездо шершней в траве возле

⁵ * Сиу – группа индейских племен, живущих на севере США.

⁶ Джим Торп – американский спортсмен, двукратный победитель летних Олимпийских игр 1912 года.

ограды. Конь встал на дыбы и, запаниковав, бросился в галоп. Малышку Эмми сбросило с отцовских колен в сторону. Эндрю Фрост пытался ее поймать, но упал с сиденья прямо под острые восемнадцатидюймовые лезвия бороны, которые изрубили его. Падая, Эмми ударилась головой о столб ограды и два дня пролежала в коме.

Летом 1932 года Эндрю Фроста не было уже год. Его вдова справлялась. Пахотную землю она сдала в аренду, но остались еще сад и огород. Старый дом наряду с сараем и хозяйственными постройками постоянно требовали ремонта. Иногда нас с Мозом и Альбертом просили помочь с этим, против чего я не возражал. Я понимал, что нелегко растить Эмми в одиночку, заниматься делами фермы и при этом продолжать работать в Линкольнской школе. Миссис Фрост была доброй женщиной, но над нею словно навсегда нависла огромная туча, а ее улыбка была не такой солнечной, как раньше. Приехав к ней, мы слезли с кузова, и она сразу же приставила нас к делу. Она освободила нас с полей Бледсо не только по доброте душевной. Она вручила Мозу косу и велела косить траву, разросшуюся между деревьями в саду. Нас с Альбертом она отправила строить забор от кроликов вокруг огорода. На зарплату, которую она получала в школе, едва ли можно было прожить, поэтому сад и огород были так важны для нее. Чтобы разнообразить их с Эмми питание долгой зимой, она консервировала овощи и фрукты. Пока мы работали, они с Эмми пололи огород.

– Тебе повезло, что тебе отдали гармонику, – сказал Альберт.

Мы как раз закончили копать яму, и я держал столб, а Альберт засыпал его землей и крепко утрамбовывал.

– Она вечно грозитя забрать ее навсегда.

– Она выполняет свои угрозы.

– Если она отберет гармонику, то ей будет больше нечем угрожать мне. Я не против тихой комнаты.

– Она может приказать ДиМарко больше пороть тебя. Ему это понравится.

– Больно только в самом начале, потом боль уходит.

Альберт никогда не подвергался порке, так что ему неоткуда было знать. ДиМарко бил чертовски больно, и после ученик целый день двигался с трудом. Но это правда: такая боль уходила.

– Если бы она знала, как много значит для тебя гармоника на самом деле, она бы сломала ее у тебя на глазах.

– Значит, лучше ей никогда не узнать, – пригрозил я.

– Думаешь, я ей скажу?

– Я уже не знаю, что ты сделаешь.

Альберт схватил меня за грудки и притянул к себе. Он уже покрылся веснушками, и его лицо напоминало миску с размокшими кукурузными хлопьями.

– Проклятье, я единственный спасаю тебя от исправительного дома.

Альберт почти никогда не ругался. Хотя он говорил тихо,

миссис Фрост услышала.

Она выпрямилась и сказала:

– Альберт.

Он отпустил меня, легонько оттолкнув.

– Когда-нибудь ты сделаешь что-нибудь, от чего я не сумею тебя спасти.

Мне показалось, что он ждет этого дня.

Мы сделали перерыв на обед. Миссис Фрост угостила нас чудесными сэндвичами с ветчиной и салатом, яблочным пюре и лимонадом, и мы все вместе ели под большим тополем на берегу Гилеада.

«Куда течет река?» – показал Моз.

– Она впадает в Миннесоту, а та впадает в Миссисипи, которая течет полторы тысячи миль к Мексиканскому заливу, – сказала миссис Фрост.

«Далеко», – показал Моз и тихонько присвистнул.

– Когда-нибудь я поплыву по ней, – сказал Альберт.

– Как Гек Финн? – спросила миссис Фрост.

– Как Марк Твен. Буду работать на речном пароходе.

– Боюсь, Альберт, их эра прошла, – сказала миссис Фрост.

– Мама, можно мы поплаваем на каноэ? – спросила Эмми.

– Когда закончим работать. И, может, даже искупаемся.

– Оди, сыграй что-нибудь, – попросила Эмми.

Меня не надо было просить дважды. Я достал из кармана рубашки маленькую губную гармонику и постучал ею по ладони, чтобы вытряхнуть пыль. Потом заиграл одну из своих

любимых мелодий – «Шенандоа». Это была красивая мелодия, но в минорном ключе, поэтому присутствующая в ней грусть охватила всех нас. Я играл на берегу Гилеада, солнце отражалось от воды цвета слабого чая, а вокруг нас ветви тополя отбрасывали ломаные тени. Я заметил навернувшиеся на глаза миссис Фрост слезы и понял, что играю одну из любимых песен ее мужа. Я не закончил.

– Оди, почему ты остановился? – спросила Эмми.

– Забыл, как дальше, – соврал я и сразу же заиграл более бравурную мелодию, которую слышал по радио в исполнении «Ред Николс и пять центов», под названием «Я чувствую ритм». Я репетировал, но еще никому не играл ее. Настроение наше тотчас улучшилось, и миссис Фрост даже начала подпевать, чему я удивился, потому что не знал, что у этой мелодии есть слова.

– Гершвин, – сказала она, когда я закончил.

– Что?

– Не что, Оди. Кто. Человек, который написал эту песню. Его зовут Джордж Гершвин.

– Никогда о нем не слышал, – сказал я, – но он пишет очень хорошие песни.

– Это точно, – улыбнулась она. – И ты хорошо сыграл.

Моз показал жест, и Эмми согласно кивнула.

– Ты играешь, как ангел, Оди.

В этот момент Альберт встал.

– Мы еще не закончили работу.

– Ты прав.

Миссис Фрост начала убирать все в корзину для пикника.

Покосив траву в саду, Моз помог нам с Альбертом ставить забор от кроликов. Когда мы закончили, миссис Фрост, как и обещала, отпустила нас на реку немного отдохнуть и смыть пыль и грязь, пока она готовит ужин. Мы разделись и попрыгали в воду. Весь день мы потели под жарким солнцем, и прохладная вода Гилеада казалась раем. Мы купались со всем не долго, когда с берега окликнула Эмми:

– Теперь поплаваем?

Мы заставили ее отвернуться, пока вылезали и одевались. Потом Альберт с Мозом подняли каноэ с маленьких козел, на которых мистер Фрост всегда хранил его, и спустили на воду. Я взял два весла. Эмми села ко мне в центр, а Альберт с Мозом взяли по веслу и заняли места на носу и корме, и мы отплыли.

Ширина Гилеада составляла всего лишь десять ярдов, и течение было несильным и ровным. Мы поплыли на восток под нависавшими над водой деревьями. Река и земля по обе стороны притихли.

– Хорошо, – сказала Эмми. – Хотела бы я плыть так вечно.

– До самой Миссисипи? – спросил я.

Моз положил весло на борта и показал «До самого океана».

Альберт покачал головой:

– На каноэ туда не добраться.

– Но помечтать-то можно, – сказал я.

Мы развернулись и поплыли вверх по течению на ферму Фростов. Установили каноэ на козлы, сложили весла под ним и пошли в сторону дома.

Тут нас и настигли неприятности.

Глава четвертая

Мы все узнали автомобиль Брикманов, серебристый седан «Франклин». Он был покрыт пылью проселочных дорог и стоял посреди подъездной дорожки, как большой голодный лев.

– Ох, братишка, – сказал Альберт. – Теперь нам конец. «Беги», – показал Моз.

– Но мистер Брикман разрешил нам работать сегодня здесь, – сказал я.

Губы Альберта сжались в твердую линию.

– Меня беспокоит не мистер Брикман.

Они сидели в комнате, которую миссис Фрост называла салоном, небольшой гостиной с диваном и двумя стульями с цветочной обивкой. На полке над маленьким камином в рамочке стояла фотография мистера и миссис Фрост с Эмми между ними, они выглядели такими счастливыми, какой и должна была выглядеть семья по нашим – детей, лишенных семьи, – представлениям.

– А, вот и вы наконец-то, – сказала Черная ведьма, как будто нас не было десять лет и наше возвращение ее безгранично обрадовало. – Хорошо покатались?

– Эмми хотела поплавать, а мы не могли оставить ее на реке одну, – сказал Альберт.

– Конечно не могли, – согласилась миссис Брикман. –

И кататься на лодке по реке намного приятнее, чем работать в поле, да?

Не переставая улыбаться, она повернулась ко мне, и я ожидал в любой момент увидеть между ее губ раздвоенный язычок.

– Мальчики сегодня хорошо поработали, – сказала миссис Фрост. – Мозес выкосил всю траву в саду, и они втроем поставили вокруг моего огорода забор от кроликов. Без них я бы пропала. Спасибо, Клайд, что разрешили взять их на денек.

Мистер Брикман бросил взгляд на жену, и появившаяся было на его губах слабая улыбка быстро угасла.

– Мой Клайд чрезвычайно мягкосердечен, – сказала миссис Брикман. – Боюсь, это недостаток, когда имеешь дело с детьми, которым требуется твердая рука. – Она поставила свой стакан с холодным чаем. – Нам пора ехать, иначе мальчики пропустят ужин.

– Я собиралась покормить их здесь, перед тем как везти обратно, – сказала миссис Фрост.

– Нет-нет, дорогая. И слышать не хочу. Они поедят с остальными в школе. И сегодня вечером фильм. Мы же не хотим, чтобы они его пропустили? – Она поднялась со стула, как завиток черного дыма. – Идем, Клайд.

– Спасибо, мальчики. – Миссис Фрост ободряюще улыбнулась нам на прощание.

– Пока, Оди, – сказала Эмми. – Пока, Моз. Пока, Альберт.

Мой брат придержал дверь машины для миссис Брикман, потом мы с ним и Мозом забрались на заднее сиденье, а мистер Брикман сел за руль «Франклина». Миссис Фрост стояла на дорожке, рядом с ней Эмми озабоченно поджимала губы. Они так печально махали нам вслед, что можно было подумать, будто мы едем на казнь. Что было недалеко от истины.

Довольно долго никто не произносил ни слова. Мистер Брикман давил на газ, так что мы поднимали за собой облако пыли. Я, Альберт и Моз бурно переговаривались знаками.

Моз: «Мы покойники».

Альберт: «Я все улажу».

Я: «Черная ведьма съест нас на ужин».

– Хватит там, – приказала миссис Брикман, и я подумал, что у нее, наверное, глаза на затылке.

По прибытии в школу мистер Брикман остановил машину на подъездной дорожке директорского дома, который находился недалеко от административного здания. Это был симпатичный двухэтажный кирпичный дом с лужайкой и клумбами, чью красоту поддерживал тяжелый труд учеников школы. Мы все вышли, и миссис Брикман любезно сказала:

– Как раз успели к ужину.

Приемы пищи проходили строго по расписанию: завтрак в семь, обед в полдень, ужин в пять. Если опоздал к началу, остался без еды, потому что никому не разрешалось вхо-

дить в столовую после того, как все остальные сели. Я был голоден. Мы хорошо поработали, хотя и не так тяжело, как на полях Бледсо. Слова Черной ведьмы меня приободрили. Несмотря на то, что она сказала Коре Фрост, я решил, что шансы поесть тем вечером у нас были, как у Кастера разгромить сиу у Литтл-Бигхорн⁷.

И я оказался прав.

– Клайд, я считаю, тут нужен наглядный урок. Думаю, сегодня эти мальчишки обойдутся без ужина.

– Миссис Брикман, это я виноват, – сказал Альберт. – Надо было переспросить у вас перед отъездом.

– Да, надо было. – Она улыбнулась ему. – Но поскольку ты это осознал, то не останешься без ужина.

Альберт взглянул на меня, но ничего не сказал. В тот миг я его ненавидел, ненавидел все его подхалимство. «Хорошо же, – думал я. – Надеюсь, ты подавишься своей едой».

– Мальчики, – сказала миссис Брикман, – хотите что-нибудь сказать?

Моз кивнул и показал знаками: «Вы какашка».

– Что он сказал? – спросила Черная ведьма у Альберта.

– Что он очень сожалеет. Но миссис Фрост велела ему ехать с ней, и было бы невежливо отказать учительнице.

– Он все это показал?

⁷ Имеется в виду сражение 1876 года при Литтл-Бигхорн между американскими войсками под командованием Джорджа Кастера и союзом индейских племен лакота и шайенны. Битва закончилась полным разгромом Кастера.

– В общих чертах.

– А ты? – обратилась она ко мне. – Тебе нечего сказать?

«Я помочусь на ваши клумбы, когда вы не видите», – показал я.

– Не знаю, что ты показал, – сказала она, – но уверена, что мне бы это не понравилось. Клайд, думаю, что малыш Оди не только пропустит ужин. Он также проведет ночь в тихой комнате. А Мозес составит ему компанию.

Я понадеялся, что Альберт бросится нас защищать, но он просто стоял.

«Погоди, – показал я ему. – Когда ты уснешь, я помочусь тебе на лицо».

Они лишили меня ужина, но оставили мою гармонику. Вечером, когда солнце село и все остальные дети собрались в актовом зале смотреть фильм, я в тихой комнате играл наши с Мозом любимые мелодии. Он знал слова песен и жестикулировал под музыку.

Моз не был немым. Когда ему было четыре года, ему отрезали язык. Неизвестно, кто это сделал. Его нашли избитым, без сознания и без языка в зарослях тростника в придорожной канаве рядом с застреленной матерью недалеко от Гранит-Фоллз. Он не мог общаться, не мог сказать, кто оказался способен на такой ужас. Он всегда утверждал, что ничего не помнит. Даже если бы он мог говорить, то понятия не имел о своей семье. Он не знал отца, а маму всегда называл просто

мамой и понятия не имел, как ее звали. Власти утверждали, что сделали все возможное, но поскольку он был индейским ребенком, это означало лишь расспросы местных сиу, но никто из них не признал мертвую женщину или ребенка. В четыре года он попал в Линкольнскую школу. Поскольку мальчик не мог ни сказать, ни написать свое имя, тогдашний директор, мистер Спаркс, дал ему новые имя и фамилию – Мозес, потому что его нашли в тростниках, и Вашингтон, потому что это был любимый президент Спаркса. Моз мог издавать звуки, пугающее гортанное мычание, но не слова, поэтому обычно просто молчал. За исключением смеха. У него был хороший заразительный смех.

До нашего с Альбертом появления в Линкольнской школе Моз общался примитивными жестами, которых ему хватало. Он выучился читать и писать, но из-за отсутствующего языка никогда не участвовал в классных обсуждениях и большинство учителей просто игнорировали его. Когда приехали мы с Альбертом, мы научили его жестам, которые знали. Наша бабушка во время беременности переболела германской корью, и в результате наша мама родилась глухой. Бабушка, которая до замужества работала школьной учительницей, выучила американский язык жестов и научила ему свою дочь. Так моя мама общалась, поэтому общаться жестами я выучился раньше, чем говорить. Когда миссис Фрост увидела эту способность, она настояла, чтобы мы научили их с мужем. Малышка Эмми впитывала его как губка. Получив

возможность общаться с Мозом, миссис Фрост стала его наставницей и сподвигла его на успехи в учебе.

У Моза была душа поэта. Когда я играл, а он жестикулировал, его руки грациозно танцевали в воздухе и произнесенные слова обретали легкость и прелесть, которую, по моему мнению, им не мог придать ни один голос.

Перед тем как на небе погас последний лучик света и тихая комната погрузилась в полную тьму, Моз показал: «Расскажи сказку».

Я рассказал историю, которую придумал предыдущей ночью, сидя один, если не считать Фариа, в каменной камере. Вот эта сказка.

– Эта история случилась одной темной ночью в Хэллоуин с тремя мальчиками. Одного звали Мозес, второго – Альберт, а третьего – Маршал. (Альберт не был в восторге, когда я вставлял его в свои истории, а Мозес просто обожал. Маршал Фут был еще одним учеником Линкольнской школы, сиу из резервации Кроу-Крик в Южной Дакоте, в котором подлость пустила глубокие корни.)

– Маршал был задирой. Ему нравилось жестоко шутить над другими двумя мальчиками. В тот Хэллоуин они поздно возвращались с гулянки в доме друга, и Маршал рассказал им про вендиго. Он сказал, что вендиго – ужасный великан, чудовище, когда-то бывшее человеком, но обращенное черной магией в людоеда, одержимого неутолимой жадной человеческой плоти. Он нападает на тебя сверху, а перед этим

зовет по имени голосом потусторонней ночной птицы. Однако это бесполезно, потому что куда бы ты ни бежал, вендиго все равно догонит, вырвет сердце и съест у тебя на глазах. Другие два мальчика сказали, что он псих, таких созданий не существует, но Маршал поклялся, что это правда. Когда они дошли до его дома, он оставил их, предупредив опасаться вендиго. Альберт и Мозес пошли дальше, подшучивая над тварью, но вздрагивали от каждого звука. И вдруг впереди кто-то позвал их тоненьким голоском: «Альберт. Мозес».

Моз схватил меня за руку и написал на ладони: «Чудовище?»

– Возможно, – сказал я. – Слушай дальше. Мальчики побежали, обезумев от страха. Когда они пробежали под нависавшей над тротуаром веткой большого вяза, оттуда спрыгнула темная фигура и приземлилась прямо перед ними. «Я съем ваши сердца!» – крикнула она. Мальчики заорали и чуть не обделались прямо в штаны. Темная фигура засмеялась, и они поняли, что это Маршал. Он обозвал их девчонками и слабаками и сказал убираться домой под защиту мамочек. И пошел прочь, все еще смеясь над своей проделкой. Мальчики шли в молчании, им было стыдно, но еще они злились на Маршала и решили, что больше он им не друг. Не успели они уйти далеко, как услышали кое-что еще. Имя Маршала, произнесенное с неба потусторонним голосом, словно это была ночная птица. И уловили ужасный запах, похожий на гниющее мясо. Они подняли головы и уви-

дели, как луну пересекла огромная черная тень. Через минуту позади раздался душераздирающий вопль, очень похожий на Маршала. Они развернулись и побежали обратно. Но нигде его не нашли. И никто его больше не видел. Никогда.

Наша камера погрузилась в полную, зловещую тишину. И тут я как заорю. Моз тоже завопил, гортанно, без слов. А потом засмеялся. Он схватил меня за руку и вывел на ладони: «Я чуть не обделался. Как дети из сказки». После этого мы легли, глубоко задумавшись каждый о своем.

Через некоторое время Моз похлопал меня по плечу и взял за руку и написал на ней: «Ты рассказываешь сказки, но они настоящие. Там есть чудовища, и они пожирают детские сердца».

После я слушал глубокое дыхание засыпающего Моза. Через некоторое время я услышал тихое шуршание, это Фариа выглянул из своего укрытия проверить, не принес ли я ему крошек. Крошек не было, и вскоре после этого я тоже уснул.

Проснулся я в темноте от скрежета ключа в замке железной двери. Я тут же вскочил. Первая мысль заставила запаниковать: «ДиМарко». Я не думал, что он попытается что-то сделать с нами, особенно когда один из нас Моз. Но, как и вендиго, ДиМарко был существом с непомерными темными аппетитами, и все мы знали, что он делал с детьми по ночам. Так что я напрягся и приготовился брыкаться и царапаться, даже если он убьет меня.

В двери показался свет керосинового фонаря. Моз тоже проснулся и затаился, все его тело напряглось, напомнив мне тетиву, готовую послать стрелу в полет. Он взглянул на меня и кивнул, и я понял, что он не уступит мерзкому ДиМарко без боя.

Но лицо, показавшееся в свете фонаря, принадлежало не ДиМарко. Приложив палец к губам, нам улыбнулся Герман Вольц и знаком велел следовать за ним.

К западу от школьной территории лежало обширное поле горного шлака и высокого бурьяна, а за ним громадная яма заброшенного карьера. Мы пересекли поле по тропинке, вытопанной за многие годы детьми и другими желающими улизнуть, чтобы побыть в одиночестве или побросать камни в глубокую выработку, но в случае Германа Вольца – по другой причине. У края карьера стоял старый сарай для оборудования, скрывающий тайну, известную только Вольцу, Альберту, Мозу и мне. Дверь Вольц запирает на тяжелый замок.

Рядом с сараем горел небольшой костерок, и я уловил аромат жарящейся колбасы. Когда мы подошли ближе, свет от костра выхватил лицо держащего сковороду Альберта.

Вольц улыбнулся:

– Не могу позволить вам умереть с голоду.

– Садитесь, – сказал Альберт. – Еда скоро будет готова.

На сковороде обнаружилась не только колбаса, но еще яичница, нарезанная кубиками картошка и лук. Альберт хорошо готовил. Когда мы путешествовали с папой, готовил

по большей части Альберт. Иногда на открытом костре, как сейчас, а иногда в дровяной печи какого-нибудь маленького мотеля в богом забытом месте. Но он не был волшебником и не мог просто наколдовать еду. Я понял, что наша еда – из кладовки Вольца.

Теперь я пожалел о своей ненависти к Альберту за то, что Черная ведьма не отправила его в тихую комнату вместе со мной и Мозом. Интересно, он уже тогда спланировал, как накормить нас? Или это была идея Вольца? В любом случае я больше не мог злиться.

– Какой фильм сегодня показывали? – спросил я, когда мы сели на землю около костра.

– Что-то под названием «Грабители караванов». Вестерн, – ответил Альберт.

Ну конечно, вестерн. Я бы посмотрел его. Я любил перестрелки. Но мне всегда казалось странным, что в Линкольнской школе показывают фильмы, в которых индейцы в основном ужасные люди и лучшим решением оказывается их убить.

Я взял палку и ткнул в костер.

– Хороший?

– Не знаю, – сказал Альберт. – Я не смотрел.

«Почему нет?» – показал Моз.

– Сразу после ужина миссис Брикман отправила меня мыть и полировать ее «Франклин».

– Ох уж эта женщина со своими машинами, – покачал го-

ловой Вольц.

Каждый год мистер Брикман покупал жене новую машину. Они оправдывали это необходимостью иметь приличный транспорт для миссис Брикман, поскольку она много времени ездит по округе и добывает средства для школы. Что было правдой. Однако правдой было и то, что в результате жизнь детей в Линкольнской школе лучше не становилась.

– Она покупает первоклассную тачку, а дети носят обувь чуть ли не из картона. – Вольц махнул рукой, той, на которой было только четыре с половиной пальца, в темноту за костром. – Мистер Спаркс, должно быть, переворачивается в гробу.

Мистер Спаркс был первым мужем Черной Ведьмы. Он был директором школы, но скончался задолго до нашего с Альбертом появления. Хотя умер несколько лет назад, до сих пор все говорили о нем с уважением. Директором стала миссис Спаркс. Вскоре после этого она вышла замуж за Брикмана и сменила фамилию. Я подумал, как ей подходят обе фамилии. Когда она злилась, искры сыпались. Но когда она была спокойна, создавалось впечатление, будто она только ждет подходящего момента, чтобы обрушиться на вас, как тонна сами знаете чего⁸.

– Ненавижу эту ведьму, – сказал я.

– Ведьмами не рождаются, – заметил Альберт.

– Что это значит?

⁸ Sparks, «спаркс» (англ.) – искры и brick, «брик» (англ.) – кирпич.

– Иногда, когда я работаю у нее и она выпьет, то проступает что-то другое, что-то печальное. Однажды она сказала мне, что, когда ей было восемь лет, отец продал ее.

– Неправда. Люди не продают людей, особенно собственных детей.

– Тебе надо почитать «Хижину дяди Тома». Я ей поверил.

– Продал ее в бродячий цирк, чтобы она выступала в комнате ужасов, я уверен.

Я засмеялся, но Альберт серьезно посмотрел на меня.

– Мы потеряли папу, потому что он умер. А ее отец продал, Оди. Продал человеку, который... ну, ты знаешь, что ДиМарко делает с детьми.

Что должно было сделать ее более похожей на нас. Но для меня это делало ее еще чернее, потому что, если она знает, что такое боль от порки – или хуже, – то должна понимать, а она все равно отдает детей в лапы ДиМарко.

– Я буду ненавидеть эту женщину до самой смерти.

– Осторожно, – сказал Альберт. – Может, именно такая ненависть сделала ее сердце жестким. И еще одно. Когда она выпьет, у нее проскальзывает озаркский выговор.

– Хочешь сказать, что она из хиллбилли?⁹

– Совсем как мы.

Мы выросли в маленьком городке в глуши Озарка. Когда

⁹ Хиллбилли (*англ.* hillbilly) – особая группа людей, проживающая в сельской местности горных районов США. В большинстве своем потомки ирландских и шотландских эмигрантов хиллибилли имеют свою культуру и быт. Их стереотипно представляют как независимых, но отсталых противников прогресса.

мы впервые приехали в Линкольнскую школу, то все еще говорили с сильным озаркским акцентом. За годы, проведенные в школе, этот выговор, как и многое в нас, исчез.

– Я в это не верю, – сказал я.

– Я просто говорю, Оди, что люди не рождаются злыми.

Жизнь корежит ужасными способами.

Может и так, но я все равно ненавидел ее жесткое черное сердце.

Когда еда была готова, Альберт поставил сковородку на плоский камень, потом достал хрустящую горбушку черного хлеба и жестянку с топленым салом. Он дал нам вилки, и мы с Мозом разломали хлеб, макнули его в сало и принялись за яичницу, картошку и лук.

Вольц сходил в старый сарай и вернулся с бутылью прозрачной жидкости – спиртом, который он гнал из зерна при помощи спрятанного в сарае самогонного аппарата.

Он собрал самогонный аппарат, пользуясь помощью и знаниями Альберта. Задолго до того, как начать возить контрабандный алкоголь для других, мой отец сам был бутлегером. Альберт помогал ему собирать незаконные перегонные установки, это умение пользовалось особенным спросом после ратификации восемнадцатой поправки¹⁰. Когда Вольц заработал доверие Альберта и понял, что тоже может доверять ему в ответ, самогонный аппарат стал, как

¹⁰ Восемнадцатая поправка к Конституции США ввела на территории страны сухой закон, продлившийся до 1933 года.

любил говорить Альберт, делом решенным. Мы знали, что Вольц гнал алкоголь не только для себя, но и продавал его, чтобы дополнить нищенскую зарплату, которую получал в школе. С любым другим эта информация была бы для нас опасной. Но Вольц был нам как крестный отец, и мы не выдали бы его тайну даже под пытками.

Мы с Мозом ели. Вольц пил свой спирт. Альберт следил за востоком, чтобы быть уверенным, что нас не увидят.

Когда мы закончили есть, Моз показал мне: «Расскажи им сказку».

– Как-нибудь в другой раз, – ответил я.

– Что он сказал? – спросил Вольц.

– Он хочет, чтобы Оди рассказал нам одну из своих сказок, – перевел Альберт.

– Я за.

Вольц поднял свою бутылку, словно в знак поощрения.

– Она детская, – сказал я.

Моз показал: «Я знатно испугался».

– Что он сказал? – спросил Вольц.

– Что можно и в другой раз, – сказал Альберт.

– Хорошо, – пожал плечами Вольц и сделал глоток. – Тогда, может, сыграешь нам на губной гармонике, Оди?

Эта идея мне больше нравилась, и я достал из кармана рубашки свою бедняцкую арфу.

– Не знаю, не знаю. – Альберт смотрел в ту сторону, где под слабым желтым светом восковой половинки луны выде-

лялись черные силуэты зданий Линкольнской школы. – Кто-нибудь может услышать.

– Значит, играй тихо, – сказал Вольц.

– Чего бы вам хотелось? – спросил я. Но я знал, что это будет. Когда Вольц пил, мелодия всегда была одна и та же.

– «Встретимся в Сент-Луисе», – сказал старый немец. Именно там он познакомился со своей давно покойной женой.

Вольц никогда не напивался. Не потому, что был невосприимчив к алкоголю, а потому, что хорошо понимал, как важно не напиваться. Он пил, пока не ощущал теплую расслабленность, легкую дистанцию между собой и своими проблемами, и тогда останавливался. Когда я доиграл мелодию, он достиг этой точки. Он заткнул бутылку пробкой и встал.

– Пора возвращать вас в кутузку.

Он отнес бутылку в сарай и запер тяжелый замок. Альберт убрал сковородку, тарелки и вилки в старый скаутский рюкзак и залил огонь водой из фляги. Он разворошил пепел и угли и еще полил водой, пока огонь не угас полностью. Вольц зажег свой керосиновый фонарь, мы покинули карьер и все вместе пошли навстречу растущему месяцу.

– Спасибо, мистер Вольц, – сказал я, прежде чем он закрыл дверь в тихую комнату. Потом сказал брату:

– Извини, что сказал, что помочусь тебе на лицо. Я бы не стал этого делать.

– Стал бы.

Он был прав, но в сложившихся обстоятельствах мне не хотелось это признавать.

– Выспитесь хорошенько, – сказал Альберт. – Завтра вам это понадобится.

Дверь тихо закрылась. В замке повернулся ключ. И снова мы с Мозом остались одни в темноте.

Я лежал на соломенной подстилке, вспоминая, как сильно ненавидел Альберта, когда решил, что он выслуживается за нас счет. И подумал о том, как сильно люблю его в этот момент, хотя никогда не сказал бы ему этого.

Я услышал тихое шуршание лапок вдоль стены и сунул руку в карман штанов за последним кусочком черного хлеба, который сохранил для Фариа. Я бросил его в угол и услышал, как крыса шмыгнула к добыче, схватила ее и бросилась обратно к дыре в каменной стене.

Я уже засыпал, когда моей руки коснулся Моз. Его рука скользнула к моей ладони и разогнула пальцы. На моей ладони он знаками написал: «Мы везучие».

Глава пятая

Утром нас разбудил не Вольц, а старший воспитатель мальчиков. Мартин Грини был крупным неразговорчивым лысеющим мужчиной с вечно уставшим взглядом и огромными ушами. Он ходил неуклюже переваливаясь, чем из-за больших ушей всегда напоминал мне слона. Он проводил нас в спальню и всю дорогу говорил о том, как он надеется, что мы усвоили урок и в нашем будущем больше не будет тихой комнаты. Он особенно упирал на три понятия, которые всегда подчеркивали в Линкольнской школе: ответственность, уважение и награда.

– Не забывайте про первые два, и третье придет к вам, – говорил он.

Мы умылись и приготоновились к работе. Я нигде не видел ни Альберта, ни Вольца и поэтому немного нервничал. Я надеялся, что с ними ничего не случилось из-за проявленной прошлой ночью доброты. Кажется, в Линкольнской школе доброта не приводила ни к чему хорошему. Ральф, сын Бледсо, ждал у пикапа, и мы с Мозесом залезли в кузов вместе с остальными мальчиками, которых отправляли на сенокос.

Работа была тяжелой, но в тот день – недолгой. По субботам весной и летом мы работали на фермеров только полдня. Потому что должны были посещать бейсбольные матчи, которые наша команда проводила во второй половине дня.

Гектор Бледсо накормил нас обедом из сухого хлеба и тонкого безвкусного сыра и сам отвез обратно в Линкольнскую школу. Пока мы выпрыгивали из кузова, он крикнул:

– Отдохните на выходных, парни! Говорят, в понедельник будет пекло.

Мне показалось, что он ликующе расхохотался, но возможно это все мое воображение.

Некоторым, например, Мозу, пришлось поторапливаться, потому что они были заявлены на игру. Остальные отправились в спальню. За несколько минут до начала игры мистер Грини привел нас на поле. Мы увидели, как девочки вышли из своего корпуса под предводительством Лавинии Стрэттон, учительницы музыки и старшей воспитательницы девочек. Мисс Стрэттон была старой девой непонятного возраста, высокой и какой-то длинной – длинные ноги и руки, и даже лицо, которое к тому же было очень невзрачным и вечно озабоченным. У нее были худые руки, а пальцы, как и все в ней, длинными и тонкими. Играя на пианино, она закрывала глаза, и ее пальцы жили собственной жизнью. Иногда ее музыка была такой красивой, что возносила меня над жизнью в Линкольнской школе и на минуту уносила куда-то далеко, к счастью. В эти чудесные мгновения я думал, что мир прекрасен, и она тоже была прекрасна. Когда музыка заканчивалась, на ее лицо возвращалось обеспокоенное выражение, и она снова становилась невзрачной, а моя жизнь вновь становилась тяжелой, как подъем в гору.

Мы сидели на деревянных трибунах. Горожане тоже пришли на игру, в основном посмотреть на подачи Моза. Так же, как пальцы мисс Стрэттон создавали нечто прекрасное, Моз, когда стоял на горке и бросал бейсбольный мяч, был прекрасен в каждом движении. В тот день мы играли с командой из Луверна, которую спонсировало «Общество ветеранов иностранных войн». Игроки уже вышли на поле и разогревались. Я поискал глазами Альберта, который ни капли не был спортсменом и почти всегда сидел на скамейке. Не увидев его нигде, я начал волноваться. На дальнем конце трибун я заметил миссис Фрост и Эмми. Обычно они приходили на игры и болели за нас. Пока мистер Грини разговаривал с мисс Стрэттон, я ускользнул и нашел место рядом с Эмми.

– Привет, Оди, – радостно улыбнулась она.

– Добрый день, Оди, – сказала миссис Фрост. – Рада тебя видеть. Я боялась, как бы миссис Брикман не заперла тебя в тихой комнате навсегда.

– Всего на одну ночь, – сказал я. – Но без ужина.

Миссис Фрост рассердилась.

– Я поговорю с этой женщиной.

– Все нормально, – сказал я. – Альберт и мистер Вольц сумели передать нам с Мозом еды. Вы их видели?

– Разве Альберт не там? – Она оглядела поле и повернулась обратно ко мне. – Ты его не видел?

– Только вчера ночью. И мистера Вольца тоже.

– Может статься, что они работают над каким-нибудь сто-

лярным проектом вместе?

– Может быть, – сказал я и подумал, что если их и отвлек какой-то проект, то скорее всего это самогонный аппарат Вольца. Я понадеялся, что лучше уж это, чем какие-нибудь более мрачные варианты, которые могла наколдовать Черная ведьма.

И тут я увидел пробирающегося по трибунам Вольца. Он заметил нас и подошел.

– Добрый день, Кора, – сказал он миссис Фрост. – Привет, малышка Эмми. Ты сегодня красавица.

Эмми улыбнулась, показав ямочки на щеках.

– Герман, вы не видели Альберта? – спросила миссис Фрост.

Он покачал головой, потом осмотрел поле.

– Что могло отвлечь его от игры? – Он повернулся ко мне. – Ты его не видел, Оди?

– После вчерашней ночи нет.

– Плохо, – сказал Вольц. – Посмотрим, что я смогу выяснить. Но тебе, Оди, надо вернуться к остальным мальчишкам.

– Можно он посидит с нами? Пожалуйста, – попросила Эмми.

Вольц нахмурился, но я знал, что он сдастся. Никто не мог отказать малышке Эмми.

– Я позабочусь об этом, – пообещал он.

Когда был жив Эндрю Фрост, он тренировал бейсбольную команду и привел ее в хорошую форму. Они стали известны,

и даже посредственное руководство нынешнего тренера, мистера Фрайберга, чьей основной работой было вождение тяжелой техники, не свело на нет усилия покойного мужа Кору Фрост. Моз великолепно подавал, полевые игроки действовали безупречно, и мы выиграли со счетом четыре-ноль. Это было бы здорово, но я все время высматривал Альберта или Вольца с новостями об Альберте. Но когда игра закончилась, ни один из них так и не пришел.

После игры и перед ужином у нас выдался редкий час свободного времени. Я лежал на своей кровати и читал журнал «Удивительные истории», который взял в школьной библиотеке. Все книги в библиотеке Линкольнской школы были получены в дар, и не думаю, что мисс Дженсен, библиотекарь, хоть раз внимательно проверяла пожертвованные журналы. Я всегда находил интересные выпуски – «Аргоси», «Приключенческие комиксы», «Страшные истории» – среди «Сатэдэй Ивнинг Пост» и «Лейдис Хоум Джорнэл». Нам не полагалось ничего выносить из библиотеки, но спрятать журнал под рубашкой было легко.

Во время учебного года младшие мальчики жили в одной спальне, а старшие – в другой. Но летом, когда многие ученики разъезжались по домам, всех мальчиков сгоняли в одну спальню. Пока я читал, один из младших мальчиков сидел в одиночестве на своей койке недалеко от моей, уставившись в пустоту. Он выглядел грустным и потерянным, что не было чем-то необычным, особенно среди новеньких. Его

звали Билли Красный Рукав. Он был из племени шайенов откуда-то с запада Небраски. Его перевели в Линкольнскую школу из другой индейской католической школы в Сиссетоне. Мы все знали про Сиссетонскую школу. У Эдди Вильсона, сиу с берегов реки Шайенн, были кузены, которых отправили в Сиссетон. Он рассказывал нам истории, услышанные от кузенов, – о побоях хуже, чем в Линкольне, о монашках и священниках, которые по ночам приходили в спальни, поднимали детей с кроватей и заставляли делать неопишуемые вещи. В Линкольнской школе работали несколько человек, которые иногда творили с детьми подобное, из них больше всего отличился Винсент ДиМарко, но мы старались быстро просветить новеньких, чтобы они не попадались. Те, кто приезжал из других школ, как Билли, не рассказывали о том, что с ними делали, но все было видно по глазам, по тому, с каким страхом они относились ко всем и вся, и это прорывалось каждый раз, когда ты тянулся к ним и натыкался на невидимую стену, которую они возвели в отчаянной надежде защититься.

Я глубоко погрузился в историю о парне, сражавшемся с марсианами в Арктике, когда поднял голову и увидел в дверном проеме ДиМарко. Я сунул журнал под подушку, но понял, что в этом не было необходимости. ДиМарко даже не смотрел в мою сторону. Его внимание было приковано к Билли. ДиМарко пошел между рядами коек. В спальне находились еще пара мальчиков, они сели ровно и были

немы, как столбы, пока ДиМарко шел мимо. Билли его не замечал. Он бубнил себе под нос и вертел что-то в руках. ДиМарко остановился за пару коек и просто стоял, сверля его взглядом. Он был большой и тяжелый. На руках, кистях и пальцах росли черные волоски. На щеках темнела постоянная щетина. Глаза походили на маленьких жучков, которые сейчас ползали по Билли.

– Красный Рукав, – сказал он.

Билли дернулся, будто его прошило несколько тысяч вольт, и поднял голову.

– Ты говорил на индейском, – сказал ДиМарко.

Этов Линкольнской школе считалось ужасным проступком. Никому из детей не разрешалось разговаривать на родном языке. «Убить индейца – спасти человека» – на этом строгом принципе основывалась вся философия индейских школ-интернатов. Пойманному за разговором на любом языке, кроме английского, обычно грозила как минимум ночь в тихой комнате. Но иногда, особенно если ловил ДиМарко, наказание включало порку.

Билли помотал головой в слабой попытке отрицания, но не произнес ни слова.

– Что это у тебя тут? – ДиМарко схватил Билли за руки.

Билли попытался вырваться, но ДиМарко вздернул его на ноги и сильно потрянул. То, что держал Билли, упало на пол. ДиМарко отпустил мальчика и поднял оброненное. Теперь я увидел: кукла из кукурузных листьев в платье из красной

банданы.

– Любишь играть в девчачьи штучки? – спросил ДиМарко. – Думаю, тебе надо побыть в тихой комнате. Идем со мной.

Билли не сдвинулся с места. Он знал – все в нашей спальне знали, – что на самом деле значит поход в тихую комнату с ДиМарко.

– Идем, маленькая краснокожая девчонка. – ДиМарко схватил его и потащил прочь.

Не соображая, что делаю, я вскочил со своей койки.

– Он не говорил на индейском.

ДиМарко остановился.

– Что ты сказал?

– Билли не говорил на индейском.

– Я его слышал, – сказал ДиМарко.

– Вам показалось.

Даже когда я произносил эти слова, внутренний голос в голове вопил: «Что ты творишь?»

ДиМарко отпустил Билли и подошел ко мне. Рукава его синей рубашки были закатаны до бицепсов, которые в тот момент казались мне громадными. Дети в спальне застыли как статуи.

– Полагаю, ты собираешься сказать мне, что и это твое? – ДиМарко протянул куклу.

– Я сделал ее для Эмми Фрост. Билли просто попросил посмотреть, пока я ее не отдал.

Он даже не взглянул на Билли проверить, не отразится ли на его лице иное. Он пристально смотрел на меня, не как лев, чей голод можно понять, а как чудовище вендиго из истории, которую я рассказывал Мозу прошлой ночью.

– Думаю, вы оба пойдете со мной в тихую комнату, – сказал он.

«Беги!» – в отчаянии посоветовал внутренний голос.

Но не успел я дернуться, как ДиМарко схватил меня за руку, впиваясь пальцами в кожу и оставляя синяки, которые не сойдут еще много дней. Я попытался ударить его ногой, но промахнулся, тогда он схватил меня за горло, и я не мог дышать. Я увидел, что Билли в ужасе, наверное подумал, что он будет следующим, а позади него другие мальчики застыли каменными изваяниями от страха и беспомощности. Хоть я и пытался сопротивляться, хватка ДиМарко делала свое дело, и все вокруг начало меркнуть и расплываться.

– Отпусти его, Винсент, – раздался командный голос.

Не ослабляя хватки, ДиМарко повернулся. У входа в спальню стоял Герман Вольц, а по бокам мой брат и Моз.

– Отпусти его, – повторил Вольц, и это прозвучало для меня как благословенный глас воина-архангела Михаила.

ДиМарко разжал пальцы на моем горле, но заменил их мертвой хваткой на плече, чтобы я по-прежнему оставался его пленником.

– Он напал на меня, – сказал ДиМарко.

– Я не нападал, – попытался сказать я, но из-за того, что он

сделал с моим горлом, получилось какое-то лягушачье кваканье.

– Красный Рукав говорил на индейском, – сказал ДиМарко. – Я собирался его наказать. Ты знаешь правила, Герман. Потом О’Бэньон вскочил и набросился на меня.

– Билли не говорил на индейском, – уже разборчивее прохрипел я.

– Думаю, это недоразумение, Винсент, – сказал Вольц. – Ты не забереешь этих мальчиков.

– Послушай, ты, фриц... – начал ДиМарко.

– Нет, ты послушай. Ты сейчас же отпустишь мальчика и покинешь спальню. И если я услышу, что ты обидел Оди или Билли, или кого-то еще, я найду тебя и изобью до полусмерти. Ты понял?

Долгое мгновение пальцы ДиМарко больно впивались в мою ключицу. Наконец он отпустил меня, грубо оттолкнув.

– Мы еще не закончили, Герман.

– Уходи, – сказал Вольц. – Быстро.

ДиМарко прошел мимо меня. Вольц, мой брат и Моз расступились, чтобы дать ему выйти, и снова сомкнули ряды.

В тишине после ухода ДиМарко я услышал всхлипы Билли Красного Рукава. Я подобрал кукурузную куклу и вернул ему.

– Лучше не держать на виду, – сказал я. – И никогда не давай застать себя одного, понял?

Он кивнул, открыл сундучок в ногах кровати и бросил

куклу внутрь. Потом сел спиной ко мне.

– Оди, ты в порядке? – Альберт уже был возле меня. – Боже, посмотри, что он сделал с твоей шеей.

Конечно, я не мог увидеть, но по выражению его лица понял, что все очень плохо.

– Что за человек, – сказал Вольц. – Трус или того хуже. Мне жаль, Оди.

Моз покачал головой и показал: «Ублюдок».

Меня и раньше пороли до рубцов и синяков, но быть задушенным почти до смерти это другое. Это не было наказанием, которыми ДиМарко наслаждался. Это было персональное нападение. Я и раньше ненавидел уродливую гориллу и боялся его. Сейчас страха не было, только ярость. Я поклялся себе, что придет день ДиМарко. Я за этим прослежу.

– Где ты был весь день? – спросил я Альберта.

– Занят, – только и сказал он, и было ясно: он не хочет, чтобы я расспрашивал дальше.

Я повернулся обратно к Билли Красному Рукаву.

– Ты в порядке?

Он не ответил. Сидел, ссутулившись, и тарачился в пол, уйдя глубоко в себя.

У меня были Альберт и Моз, и мистер Вольц. Наверное, Билли Красный Рукав считал, что у него никого нет, и я не мог избавиться от мысли о том, как ему, должно быть, одиноко.

Но одиночество Билли станет только глубже, потому что

на следующий день он исчез.

Глава шестая

В воскресенье утром после завтрака мы обязательно посещали богослужение, которое проводилось в спортивном зале. В Линкольнской школе у нас было два комплекта одежды: один на каждый день и один только для воскресений и случаев, когда кто-нибудь посторонний, обычно состоятельный, приезжал посмотреть, как мы живем, чтобы внести пожертвование. Мы сидели на трибунах в своей воскресной одежде. Службу проводили мистер и миссис Брикман, сидевшие на стульях позади кафедры. Музыку обеспечивал передвижной орган, на котором играла мисс Стрэттон. Мистер Брикман называл себя проповедником, но к какой церкви он принадлежал, я никогда не знал. Он читал молитвы и проповеди. Его жена вела уроки Библии.

В Линкольнской индейской школе христианство было единственной религией. Некоторые дети ходили в церкви в резервациях, чаще всего католики, и несколько девочек носили крестики на цепочках – единственное украшение, разрешенное в школе. Но католические дети не посещали католическую церковь в городе. Они сидели на трибунах вместе с детьми, которые выросли в удаленных районах, где поклонялись духам с индейскими именами.

Присутствовали многие сотрудники. Миссис Фрост приезжала каждое воскресенье вместе с чистенькой Эмми. Не

думаю, что это потому, что ей нравились службы в духовном смысле, а больше потому, что она хотела как можно больше времени быть частью жизни линкольнских детей. Лично я был признателен ей за присутствие. Оно напоминало мне, что Брикманы это еще не все и что может быть даже в геенне огненной ходит ангел с ведром холодной воды и черпаком.

Во время проповеди мистер Брикман совершенно преобразался в ураган мстительной ярости, он ходил с важным видом и жестикулировал, тряс кулаками в воздухе, указывал обвиняющим перстом на какого-нибудь ребенка, имевшего несчастье привлечь его внимание, и предрекал ему погибель. Но этот ребенок олицетворял нас всех, потому что для мистера Брикмана все мы до единого были безнадежны, мешок плоти, наполненный лишь грешными помыслами и способный лишь на дурные дела. Я считал, что насчет меня он абсолютно прав, но знал, что большинство других детей просто растеряны и изо всех сил стараются выжить в Линкольнской школе, дожидаясь ее окончания.

В то воскресение мистер Брикман начал проповедь с двадцатого псалма¹¹, что было странно. Обычно он вдохновлялся отрывками из Ветхого Завета, насыщенного разнообразными карами. После псалма он говорил о том, что Бог – наш пастырь, после чего перешел на себя и миссис Брикман, которые, подобно Богу, считают нас своими овцами, которым

¹¹ В псалме предрекается неудача, которая постигнет народы, восставшие против царя Давида, помазанника Божьего.

требуется присмотр, и делают все возможное, чтобы заботиться о нас, поэтому мы должны быть благодарны Богу за спасение наших душ и Брикманам – за спасение наших тел, за то, что дают нам крышу над головой и пищу в наших животах. В итоге весь смысл проповеди сводился к тому, что мы должны выражать нашу благодарность миссис Брикман и ему, не причиняя хлопот. Я знал, что неправильно с его стороны так эгоистично выворачивать красивый псалом, но мне правда хотелось верить, что Бог мой пастырь, что он каким-то образом ведет меня через темную долину Линкольнской школы и мне не надо бояться. И не только мне, но и остальным детям тоже, детям вроде Билли Красного Рукава. Но истина, с которой я сталкивался каждый день, состояла в том, что мы были одни и наша безопасность зависела не от Бога, а от нас самих и нашей взаимопомощи. И хоть я пытался помочь Билли Красному Рукаву, этого оказалось недостаточно. И я поклялся стараться лучше, быть лучше. Я буду стараться быть пастырем для Билли и детей вроде него.

После службы миссис Фрост с Эмми остановили нас с Альбертом и Мозом на выходе из спортзала. Брикманы уже удалились, и мистер Грини, который сопровождал нас обратно в спальню, разрешил нам немного задержаться. Как и многие мужчины в Линкольнской школе, он хорошо относился к доброй молодой вдове.

Когда мы остались одни в спортзале, миссис Фрост сказала:

– Мальчики, я хочу поговорить с вами кое о чем.

Мы ждали, и я опустил глаза на Эмми, которая улыбалась так, словно пришло Рождество. Что бы миссис Фрост ни задумала, Эмми эта идея пришлась по душе.

– Мальчики, как вы смотрите на то, чтобы пожить летом у нас с Эмми?

Если бы она сказала: «Я дам вам миллион долларов», – я и то удивился бы меньше.

– Разве нам можно? – спросил Альберт.

– Я уже некоторое время обдумываю это, – сказала миссис Фрост. – И вчера после матча наконец поговорила с мистером Брикманом. Он согласился, что это возможно, если вы не против.

«А как же Черная ведьма?» – показал Моз.

– Клайд сказал, что поговорит с Тельмой, но он считает, что она не станет возражать. – Миссис Фрост посмотрела на меня. – По мнению мистера Брикмана, возможность больше не беспокоиться из-за тебя, Оди, это очень веский довод.

– Но почему? – спросил я. – В смысле, я счастлив и все такое, но почему?

Она ласково коснулась моей щеки.

– Оди, ты знал, что я тоже сирота? Я лишилась родителей, когда мне было четырнадцать лет. Я понимаю, каково это – остаться одному в целом мире. – Она повернулась к Альберту и Мозу. – Я хочу снова возделывать свою землю. Если действительно хочу этого, мне понадобится много помощи

летом и во время сбора урожая. Вы двое почти взрослые. Вы все равно скоро покинете Линкольнскую школу. Не знаю, какие у вас планы, но не хотели бы вы пожить у меня?

– А как же Оди и его учеба? – спросил Альберт.

Плевал я на учебу, но Альберт всегда думал о будущем.

– Если все получится, возможно, он сможет ходить в городскую школу. Посмотрим. Годится, Оди?

– О да.

Мне хотелось танцевать, обнять миссис Фрост и пуститься в пляс. Я не помнил, когда в последний раз был так счастлив.

– Итак, что скажете? – спросила она.

– Я говорю: «Ура-а-а!» – Я торжествующе вскинул руки.

Альберт ответил более рассудительно:

– Думаю, нам это подходит.

Моз расплылся в улыбке до ушей и показал: «Мы везучие».

Миссис Фрост предупредила, чтобы мы пока никому не рассказывали. Ей надо уладить несколько вопросов, и пока все не будет готово, мы должны сидеть тихо и – она многозначительно посмотрела на меня – «не нарываться на неприятности».

После ее ухода Альберт повернулся ко мне:

– Не обольщайся, Оди. Помни, она имеет дело с Черной ведьмой.

В спальне мы переоделись из воскресной одежды в повседневную. Я продолжал переглядываться с Альбертом и Мо-

зом, и было ясно, что мы никак не могли поверить своему счастью. Хотелось закричать «аллилуйя», но я сдерживался. Пришел Вольц, о чем-то тихо переговорил с Альбертом, и они ушли. Потом пришел мистер Фрайберг и забрал Моза и еще пару мальчиков убирать бейсбольное поле и подготовить его к следующей игре.

У меня еще оставалось время до обеда, и я лежал на своей койке, глядя в потолок, и воображал, каково жить с Корой Фрост и Эмми.

Я плохо помнил маму. Она умерла, когда мне было шесть лет. Альберт рассказывал, что какая-то болезнь просто съела ее изнутри. Мне представлялось, как она лежит в кровати и смотрит на меня, а ее лицо похоже на сушеное и сморщенное яблоко, и я ненавидел этот образ. Я всегда жалел, что у меня нет фотографии, чтобы я мог держаться за другой образ, но когда мы приехали в Линкольнскую школу, у нас забрали все, включая хранившееся у Альберта семейное фото, сделанное, когда я был маленьким и мы жили в Миссури. Поэтому некоторым образом миссис Фрост была для меня воплощением матери, и теперь все шло к тому, что станет настоящей. Конечно, она не усыновит меня или Альберта. Но как знать?

Мои мечтания прервал внезапно нависший надо мной мистер Грини:

– Ты не видел Красного Рукава?

Дети постоянно убегали из Линкольнской школы. Если они были из резерваций, то обычно туда и направлялись, так что властям не составляло труда отыскать их при попытках поймать попутный транспорт. Мало кто добирался до резервации непоиманным. Если им это удавалось, их просто отправляли обратно. Сложнее всего было найти детей, которым было некуда идти, некуда возвращаться. Таких было немало. Когда они убегали, одному Богу было известно, что у них в головах.

Мистер Грини опросил всех мальчиков, но никто не видел, как улизнул Билли. Просто из любопытства я проверил сундучок в ногах его койки. Кукурузная кукла пропала.

По воскресеньям проходили одни из самых иронических собраний в Линкольнской школе – еженедельные собрания бойскаутов. Нашим наставником был мужчина по фамилии Сейферт, городской банкир. Кругленький и лысый, с бульдожьим лицом и вечно потной макушкой, он был достойным человеком. Он старался научить нас всему, что может пригодиться, если мы вдруг окажемся одни в лесу. Это было смешно, потому что вокруг Линкольна не было лесов. Мы собирались в спортивном зале, где нам показывали, как наточить лезвие топора или ножа до остроты бритвы, как различать травы и деревья, птиц и звериные следы. На старом плацу мы учились ставить палатки, скреплять палки для шалаша, разводить костер и разжигать его кремнем и кресалом. Летом из-за небольшой учебной нагрузки посещать занятия бой-

скаутов были обязаны все мальчики. Если бы ситуация не была такой трагической, я бы считал забавным, что грузный белый мужчина показывает индейским детям то, что, не вмешайся белые, они знали бы с пеленок.

Альберт был командиром нашего отряда и очень серьезно относился к своей должности. Что не удивительно. Мистер Сейферт подарил школьной библиотеке два экземпляра «Официального справочника скаутов», но я думаю, что Альберт был единственным, кто когда-либо его читал.

В тот день мы изучали узлы. Что оказалось интересно. Кто же знал, что существует столько разновидностей узлов и все они используются для различных целей. Я довольно быстро выучил большинство узлов, но один – под названием «булинь» – никак мне не давался. Надо было представить, что конец веревки – это кролик, который вылезает из норы, оббегает вокруг дерева и залезает обратно в нору, или что-то в этом роде. Мистер Сейферт сказал, что этот узел любят моряки, так что я наконец разобрался. Никогда не выйду в море.

В конце встречи мистер Сейферт попросил нас сесть и посмотрел на нас, словно вот-вот заплачет.

– Мальчики, – сказал он, – у меня плохие новости. Это последнее мое занятие с вами в качестве наставника.

Мы никак не отреагировали, но он, наверное, уже привык к подобному. Большинство из нас слушали его с каменными лицами.

– Банк, в котором я работаю, переводит меня в Сент-Пол. Я уезжаю на следующей неделе. Я пытался найти кого-нибудь вам в наставники, но признаюсь, у меня с этим возникли небольшие трудности.

Он достал из кармана чистый белый платок, и я подумал, что он собирается вытереть блестящие от пота лысину и лоб. Но вместо этого он высморкался и промокнул глаза.

– Надеюсь, я дал вам всем кое-что, что вы возьмете с собой в дальнейшую жизнь. Я говорю не об узлах или палатках. Я говорю об уважении к тому, кто вы есть, может быть о понимании того, чего вы можете достичь, если поставите себе цель.

Он оглядел всех нас и словно на мгновение лишился способности говорить из-за комка в горле.

– Вы так же хороши, как любой другой ребенок в этой стране, и не верьте никому, кто будет утверждать обратное. Клятва скаута не самый плохой жизненный принцип. Произнесете ее вместе со мной, мальчики?

Он поднял правую руку в официальном скаутском приветствии, и мы все сделали то же самое.

– Клянусь, – повторяли мы за ним, – исполнять свой долг перед Богом и Родиной. Жить по законам скаутов. Всегда помогать людям. Сохранять физическую силу, ясность ума и нравственную чистоту.

Он опустил руку.

– Желаю всем вам удачи.

Он повернулся к Альберту, который стоял рядом с ним, и они пожали друг другу руки. Потом мистер Сейферт медленно вышел из спортзала с видом человека, который лишился чего-то очень важного.

После его ухода мы сидели в молчании.

Потом Альберт сказал:

– Ладно, все возвращайтесь в спальню.

Вольц и мистер Грини ждали у двери спортзала, чтобы проводить нас. Выходя, я спросил у обоих:

– Слышно что-нибудь про Билли?

– Ничего, – сказал мистер Грини.

– Объявится, – заверил меня Вольц. – Они всегда объявляются.

На обратном пути я шел с Альбертом и Мозом.

– Переводят его, как же, – сказал Альберт.

Моз показал: «Что ты имеешь в виду?»

– Мистер Сейферт отказался лишать права выкупа фермеров, которые просрочили выплату по закладной. Люди из Сент-Пола передают банк тому, кто станет это делать.

– Что значит «лишать права выкупа»? – спросил я.

– Значит банки забирают фермы.

– Так можно?

– Можно. Не обязательно, но можно. Это все из-за краха.

Я знал про крах Уолл-стрит¹², но не понимал, что это зна-

¹² Имеется в виду обвал американской биржи 1929 года, после которого началась Великая депрессия.

чит на самом деле. Когда я впервые услышал о нем, то представил Уолл-стрит в виде гигантской замковой стены, за которой прятались банки и все их деньги. И в один день – его называли «Черной пятницей», и в моем воображении рисовалось темное грозовое небо, – эта стена обрушилась, и все деньги, припрятанные банками, унесло ветром. На краю Великих равнин это не интересовало меня и никак не отразилось на мне. Там ни у кого не было денег.

Той ночью, когда погасили свет, я слышал, как плачет кто-то из младших. Иногда новенькие дети плакали по ночам месяцами. Даже старожилы иногда поддавались невыносимому ощущению безысходности и давали волю слезам. Несмотря на хорошие новости того утра, предложение Кору Фрост и перспективу покинуть Линкольнскую школу, я и сам пребывал в некотором унынии. Я думал о мистере Сейферте, который был хорошим человеком, но это ничем ему не помогло. Думал обо всех детях, которых оторвали от дома и всего знакомого. И особенно о Билли, который вызывал невеселые мысли. Я поклялся быть пастырем для детей вроде него, но пока мистер Грини не спросил, я даже не замечал, что Билли пропал.

– Думаешь, его найдут? – прошептал я.

Койка Альберта стояла рядом с моей. Нам не разрешалось болтать после выключения света, но если говорить тихо, то не поймают.

– Билли Красный Рукав? Не знаю.

– Надеюсь, с ним все хорошо.

Я услышал, как Альберт повернулся, и хотя я не мог видеть его, знал, что он лежал лицом ко мне.

– Послушай, Оди, не надо слишком переживать за других.

В конце концов их все равно заберут.

– Ты думаешь о папе?

– И о маме тоже, – сказал он. А я все больше и больше забывал ее.

– Ты боишься, что меня заберут? – спросил я.

– Я боюсь, что заберут меня, и кто тогда будет за тобой присматривать?

– Может, Бог?

– Бог? – переспросил он так, словно я сказал что-то смешное.

– Может, все действительно так, как говорится в Библии, – предположил я. – Бог – пастырь, а мы его стадо, и он присматривает за нами.

Альберт долго ничего не говорил. Я слышал, как в темноте плачет ребенок, потому что чувствует себя потерянным, одиноким и считает, что никому до него нет дела.

Наконец Альберт прошептал:

– Слушай, Оди, что ест пастух?

Я не знал, к чему он клонит, поэтому не ответил.

– Свое стадо, – сказал мне Альберт. – Одного за другим.

Глава седьмая

В понедельник утром нас с Мозом распределили на сенокос к Бледсо. Во время завтрака Вольц остановился возле нашего стола сказать пару слов. Альберта и еще несколько мальчиков отправили к Герману помогать обновить побелку на старой водонапорной башне.

Об этой башне ходили легенды. Задолго до нашего появления в Линкольнской школе мальчик по имени Сэмюель Убийца Многих сбежал отсюда. Перед побегом он написал на резервуаре башни жирными черными буквами «Добро пожаловать в ад». Убийца Многих оказался среди тех немногочисленных детей, которые сбежали и не попались, и стал важной частью школьных баек. Его прощальное послание закрасили побелкой, но с годами она смывалась и жирные черные слова, находящие отклик в сердце каждого ребенка в Линкольнской школе, появлялись снова, словно призраки.

Утро выдалось безветренное и уже жаркое, а воздух был таким душным, что создавалось впечатление, будто пытаешься вдохнуть воду. Я знал, что день будет ужасным, как и предсказывал Гектор Бледсо, но это волновало меня меньше, чем Билли.

– Есть что-нибудь про Красного Рукава? – спросил я.

Вольц покачал головой:

– Прошел всего один день. Дай время, Оди.

Мы – я, Моз и остальные приговоренные прессовать и ворочать сено весь день – ехали в кузове пикапа Бледсо. Мы сидели тихо, как и полагается группе мальчиков, направляющихся на работу под контролем бессердечного фермера, который обращается с нами, как с животными. Я подумал, что, возможно, Билли Красный Рукав прав. Если бы я сбежал с ним, то после поимки меня ждала бы, скорее всего, ночь в тихой комнате и хорошая порка в придачу, что, если подумать, может быть лучше, чем провести целый день на сенокосе под беспощадным солнцем и дышать сенной пылью, пока не задохнешься.

В полдень мы сделали перерыв и забились под воз с сеном в поисках тени. Мы съели по сухому сэндвичу, которые сделала жена Бледсо на каждого, выпили воды из бурдюка и лежали, истекая потом и молча проклиная Бледсо и день, когда родились. Все, кроме Моза, который мог работать часами без единой жалобы. И это не потому, что у него не было голоса, чтобы жаловаться, – его пальцы были весьма красно-речивы, – но он как будто радовался физической работе, вызову, который она бросала его телу и духу. Никто не обвинял его в том, что он единственный не страдает, потому что он всегда был готов помочь любому из мальчиков. Часто из-за немого согласия Моза Бледсо нагружал его самой сложной работой.

Я сидел рядом с ним под возом и смотрел на запад, где небо выглядело угрожающе. Над Буффало-Ридж клубились

тучи. Не пушистые белые облака, как в обычный летний день, а угольно-черная стена, надвигавшаяся с юго-запада и сверкающая молниями. Гектор Бледсо и его сын Ральф сидели в тени пикапа, глядя на небо.

Моз похлопал меня по руке и показал: «Гроза. Может, закончим раньше».

Я покачал головой и сказал:

– Бледсо – сукин сын. Если не сено, то он вероятно заставит нас убирать свой скотный двор под дождем.

Я услышал автомобиль и увидел, что это миссис Бледсо едет на своем «Форде» модели «В» вдоль скошенного сена. Она остановилась у пикапа, вышла и заговорила с мужем, показывая на запад. Бледсо покачал головой, но женщина уперла руку в бок и погрозила мужу пальцем. Бледсо еще раз взглянул на небо, которое быстро заволакивало темными грозовыми тучами. Он глубоко вздохнул, отошел от пикапа и пошел к нам. Достал из кармана помятый платок и высморкался, освобождая нос от сеной пыли.

– Парни, жена говорит, гроза будет изрядная. На сегодня все. Продолжим, когда сено высохнет. Полезайте в машину.

Никогда не видел, чтобы мальчишки двигались так быстро. Бледсо еще не закончил вытирать нос, а мы уже сидели в кузове пикапа. Моз пихнул меня локтем и кивнул на миссис Бледсо, которая ждала возле своей машины, словно хотела убедиться, что ее муж сделает, как обещал.

«Поблагодари ее», – показал он.

– Спасибо, мэм! – крикнул я.

Она подняла руку и смотрела, как Бледсо увозит нас.

К тому времени как мы добрались до Линкольнской школы, тучи приобрели темно-зеленый цвет и завихрялись, как ведьмино варево в котле. Поднялся ветер, и пока мы вылезали из кузова, начали падать маленькие градины. Нас не ждали, а потому во дворе не оказалось никого, чтобы сопроводить нас. В этом не было необходимости. Мы все побежали в корпус. В здании никого не оказалось, что было бы понятно в обычный день. Обед давно закончился, и все дети должны были вернуться к своим обязанностям. Но такая должна была загнать их внутрь. Мы стояли у окон спальни и смотрели, как буря надвигается со стороны Буффало-Ридж. Град усиливался, оглушительно стуча по крыше, так что нам приходилось кричать, чтобы слышать друг друга. Разбилось окно, и к ногам Моза упала градина размером со сливу. Еще через пару минут град прекратился так же внезапно, как начался, но гроза не закончилась. За милю от нас мы увидели медленно опускающийся длинный серый вихрь. Он спускался с огромной зеленой равнины облаков, которая перевалила через Буффало-Ридж, и для меня выглядел, как тянущийся к земле перст Господень. Коснувшись земли, он сразу же почернел.

– Торнадо! – крикнул кто-то. – Бегите!

Никто не шевельнулся. Мы как вкопанные замерли у окон. Все мое тело вибрировало, словно по нему бежал ток. Этот

длинный изогнутый воздушный палец внушал ужас и завораживал одновременно. В воздухе вокруг него было темно от обломков, напоминавших стадо сбесившихся коров, – это были вещи, разорванные на куски силой, против которой не могло устоять ничто земное. Смерч был уже близко, я видел, как он вырывает с корнем деревья, пересекая реку Гилеад. Он добрался до водонапорной башни, и я внезапно вспомнил про Альберта с Вольцем, которые должны были ее белить. Я прижался носом к оконному стеклу, пытаюсь рассмотреть, там ли они. Работа была выполнена лишь наполовину, «Добро пожаловать в ад» еще проглядывала сквозь старую побелку, но насколько я видел, людей там не было.

Смерч пронесся по бейсбольному полю, разметав трибуны в щепки. Нам бы бежать, искать укрытие, но было уже поздно. Парализованные мы стояли и смотрели, как приближается наша гибель.

Но тут каким-то чудом смерч повернул и двинулся вдоль берега. Он разворотил землю к северу от школы, миновав все здания и красивый дом Брикманов, и направился к самому Линкольну. Мы побежали к окнам, выходящим на восток, и смотрели, как торнадо обогнул южную окраину города и двинулся к фермам дальше вдоль реки.

И я понял, куда он направился.

Моз тоже. Он схватил меня за руку и показал: «Миссис Фрост и Эмми».

Выбежав наружу, мы увидели выходящих из столовой Вольца и Альберта. За ними высыпали остальные, и я понял, что они все набились в большое каменное строение, чтобы переждать бурю. Мы с Мозом бросились через старый плац.

– Миссис Фрост и Эмми! – проорал я. – Вы их видели?

Вольц помотал головой:

– Сегодня нет.

– Торнадо идет прямо на них.

– Разве они не должны быть где-то здесь? – спросил Альберт.

– Давай проверим ее класс, – сказал Вольц.

Ее там не оказалось.

– Миссис Брикман, – предложил Вольц. – Она должна знать.

Мы побежали к дому Брикманов и заколотили в дверь, но никто не открыл. Альберт пошел к гаражу и заглянул в окно.

– «Франклина» нет, – сказал он.

Вольц постучал еще, и наконец дверь распахнулась. На пороге стоял белый как призрак Клайд Брикман.

– Этот проклятый торнадо чуть меня не убил.

– Кора Фрост, – потребовал Вольц. – Она была сегодня в школе?

Брикман нахмурился и задумался на мгновение.

– Не знаю.

– Миссис Брикман, – сказал Вольц. – Она знает?

– Герман, Тельма утром уехала в Сент-Пол. Ее не будет

всю неделю.

– Проклятье.

Вольц смотрел на восток, на причиненные смерчем разрушения. Мы все смотрели туда. Еще ни разу в жизни мне не было так страшно.

– Ждите здесь, – велел Вольц. – Я подгоню свою машину.

Он повез нас, включая Брикмана, к дому Кору и Эмми Фрост. На южной окраине Линкольна мы увидели обломки деревянных построек рядом с элеваторами¹³. Мы ехали по проселочной дороге вдоль реки мимо следов непредсказуемых разрушений. Вот разорванный пополам сарай, а в двадцати ярдах от него нетронутый дом. А вот лишившаяся крыши силосная башня, а внутри невредимого загона рядом с ним коровы как ни в чем не бывало щиплют траву. Я увидел большой лист гофрированного металла, загнутый вокруг ствола тополя, как рождественская оберточная бумага. Впервые в жизни я искренне молился, отчаянно прося Бога пощадить Кору Фрост и ее дочь.

Когда мы приехали на ферму, все мои надежды умерли. Там, где всего несколько дней назад миссис Фрост и Брикманы сидели в гостиной и пили чай, не осталось ничего, кроме разбитых в щепки досок. Много деревьев в саду вырвало с корнем и разбросало в беспорядке. Пикап миссис Фрост лежал перевернутым, как дохлая черепаха. Вокруг стояла мертвая тишина.

¹³ Элеватор – сооружение для хранения зерна.

Мы рыскали среди развалин, поднимали обломки, выкрикивали имена. Я был уверен, что мы не найдем их живыми, и из-за этого вовсе не хотел находить их. Я видел, с какой легкостью буря сминала и разрывала прочные конструкции, и не желал своими глазами узреть, что она может сделать с хрупкой плотью и костями. Так что я по большей части безучастно стоял на сломанных балках крыши, которая когда-то укрывала Кору и Эмми Фрост. На короткое время я позволил себе поверить, что она будет укрывать и меня.

Я потерял мать и отца. Меня били, унижали, сажали в карцер, но до этого момента я никогда не терял надежды на то, что когда-нибудь будет лучше.

И тут Моз подал знак: «Ты слышишь?»

Я прислушался и тоже услышал.

Моз начал поднимать доски и сломанные балки. Остальные принялись помогать. Мы лихорадочно работали, расчищая обломки, из-под которых доносились тихие крики, и наконец добрались до внешнего входа в погреб. Его дверь заблокировали два тяжелых обломка стропил. Мы убрали их, и Моз распахнул дверь. Из темноты на нас смотрела маленькая Эмми Фрост, ее личико и одежда были покрыты пылью, кудряшки слиплись от песка, а голубые глаза моргали из-за резкого света. Моз спустился по лесенке, подхватил девочку на руки, вынес наружу и спросил: «Твоя мама?»

– Я не знаю. – Эмми рыдала в истерике. Она отчаянно замотала головой и повторила: – Я не знаю.

– Она была с тобой внизу? – спросил Вольц.

Эмми снова замотала головой, и вокруг нее поднялось облачко пыли.

– Она посадила меня туда и оставила одну.

– Эмми, куда она пошла? – спросил Альберт.

– К Большому Джорджу, – сказала она. – Она собиралась выпустить его из сарая.

После смерти мужа Кора Фрост решила оставить тяжело-воза, хотя кормить такую огромную скотину было затратно. Вольц и Альберт уже осмотрели развалины сарая, но побежали обратно и начали снова разбирать обломки.

– Где мама? – плакала Эмми. – Мама?

– Тихо, девочка, – сказал Брикман. – Слезами делу не поможешь.

Она пропустила его слова мимо ушей.

– Мама!

Моз сел на развалины дома, поднял Эмми на руки и прижал к груди, а она все плакала и плакала. Через некоторое время вернулись Альберт с Вольцем и только покачали головами.

– Я отвезу ее в школу, – предложил Вольц.

– Я поеду с вами, – сказал Брикман.

Я скрестил руки на груди и расправил плечи.

– Я не уеду, пока мы не найдем миссис Фрост.

Вольц не стал спорить.

– Хорошо, Оди. Альберт, Моз, вы тоже остаетесь?

Оба кивнули.

– Я пришлю кого-нибудь за вами. Клайд, давайте увезем девочку отсюда.

Они попытались забрать Эмми у Моза, но она отчаянно цеплялась за него, и наконец Вольц сказал:

– Моз, ты тоже едешь.

Они ушли, Моз нес малышку Эмми, а Брикман на мгновение задержался, обводя взглядом разрушения.

– Господи Боже, – пробормотал он себе под нос.

– Вы ошибались, – сказал я ему.

Он посмотрел на меня, прищурившись:

– В чем же?

– Вы говорили, что Бог наш пастырь и что он позаботится о нас. Бог не пастырь.

Он не ответил.

– Знаете, кто Бог, мистер Брикман? Чертов торнадо, вот кто.

Брикман просто развернулся и ушел.

После их отъезда мы с Альбертом остались одни. Небо над головой было ясным и голубым, как будто ада последних двух часов и не было. Я услышал песнь жаворонка.

– Все должно было стать прекрасно, – сказал я. – Все наконец-то должно было стать прекрасно.

Альберт повернулся кругом, охватывая взглядом разгром. И произнес жестче, чем я когда-либо слышал:

– Одного за другим, Оди. Одного за другим.

Глава восьмая

Тело Кору Фрост нашли позже в тот же день, за милю от дома, в ветвях вяза на скотном дворе, который торнадо не повредил, но, потеряв силу, оставил множество обломков. Большого Джорджа нашли невредимым недалеко от разрушенной фермы Фростов безмятежно жующим траву на берегу Гилеада.

Узнав о том, что случилось, миссис Брикман сразу же вернулась из Сент-Пола. Она великодушно объявила, что Эмми Фрост недолго оставаться без матери. Она собиралась удочерить малышку как можно скорее.

Услышав это, Моз показал: «Черная ведьма ее новая мама?» А потом показал такое, чего миссис Фрост, будь она жива, никогда не одобрила бы.

– Черная ведьма всегда получает то, что хочет, – тихо сказал Альберт, смирившись.

Мне это казалось еще одной несправедливостью в длинном ряду ужасных несправедливостей. Я мог бы жить со всеми бедами и несчастьями, которые насылал на меня бессердечный Бог. Может быть, я их даже заслуживал. Но Эмми Фрост? Все, что она делала за свою короткую жизнь, это дарила счастье нам всем. А миссис Фрост? Если на этой земле и были ангелы, то это она.

Похоронная служба проходила в четверг в спортивном за-

ле. Присутствовали все ученики, кроме Билли Красного Рукава, которого еще не поймали власти. Мы были одеты по воскресному. В спортзале стояла кафедра, с которой всегда проповедовал мистер Брикман, и позади нее стулья для него и миссис Брикман, и один для Эмми, которая сидела, ссутулившись, как безжизненная кукла. Мы не видели ее с того ужасного дня. На ней было новое платье и новые блестящие кожаные туфельки. Песок, пыль и штукатурка так въелись в ее волосы, что их не смогли отмыть и просто обрезали все кудряшки. Без платья она сошла бы за мальчика.

Мисс Стрэттон сидела за фисгармонией. Она играла гимн «Твердыня наша», а мы бубнили в унисон. Мистер Брикман произнес поминальную речь. Впервые на моей памяти он говорил с нами уважительно, без всякой напыщенности. Я никогда его не любил, но был благодарен за добрые – и правдивые – слова о Коре Фрост.

А потом Брикманов ждал сюрприз.

Мисс Стрэттон объявила:

– Мы с Оди О’Бэнноном хотели бы исполнить кое-что в память о Коре.

Она кивнула мне, и я встал.

– Что ты делаешь? – прошептал Альберт. Он смотрел на Брикманов, на лицах которых застыли выражения далекие от христианских.

– Просто слушай, – сказал я.

Моз показал: «Играй хорошо, Оди».

Я встал рядом с фисгармонией и достал из кармана свою губную гармонику, и мы с мисс Стрэттон заиграли песню, которую репетировали тайком.

Я обещал себе, что не стану плакать. Я хотел преподнести единственный дар, который у меня был, памяти Кору Фрост. Но как только я заиграл первые ноты «Шенандоа», слезы полились из глаз. Я все равно продолжал играть, и мисс Стрэттон аккомпанировала мне, и казалось, будто сама музыка оплакивает не только то, что мы потеряли на той неделе. Она оплакивала семьи, детство и мечты, которых навсегда лишились даже самые юные из нас. Я играл и все дальше устремлялся туда, куда меня могла унести только музыка. И хотя Кора Фрост была мертва и почти похоронена вместе с моими недолгими надеждами на лучшую жизнь, я представлял, что она слышит меня где-то, а рядом с ней муж, и они оба улыбаются мне и Эмми, и Альберту, и Мозу, и другим, чьи жизни, хоть ненадолго, стали светлее благодаря им. И в конце я плакал уже от этого.

Когда я закончил, плакали все, даже мистер Брикман, у которого, как оказалось, было сердце, хоть и маленькое. Но у Черной ведьмы сердца не было, и она не проронила ни слезинки. Она злобно смотрела на нас с мисс Стрэттон. Я хотел вернуться на свое место на трибунах, но мисс Стрэттон остановила меня, взяв за руку.

Мистер Брикман закончил церемонию молитвой, и дети начали покидать спортзал. Миссис Брикман наклонилась

к Эмми и что-то сказала, потом встала и подошла к фисгармонии.

– Прелестная мелодия, – произнесла она, но ее голос говорил совсем другое. – И весьма неожиданная.

Мисс Стрэттон смотрела с таким выражением, словно ждала, что Черная ведьма бросится на нее и проглотит целиком.

– Это была моя идея, мэм, – сказал я. – Я знал, что это любимая песня миссис Фрост. Мисс Стрэттон просто оказала мне любезность, вот и все.

– Любезность. Конечно. Но, Лавиния, когда вы в следующий раз решите быть любезной, я хотела бы знать заранее. И должна сказать, что нахожу странным, что вы так легко поддались капризу одного из учеников.

– Этого больше не повторится, Тельма.

Миссис Брикман перевела взгляд на меня.

– Ты хорошо играл, Оди.

– Спасибо, мэм.

– Наслаждайся своей гармоникой, пока можешь.

Она вернулась к Эмми, взяла ее за руку и вывела прочь. Эмми оглянулась на меня. Я хорошо знал этот потерянный взгляд, и он разбил мне сердце.

Мисс Стрэттон посмотрела им вслед и тихо сказала:

– Торнадо забрал не ту женщину.

Свободное время в Линкольнской школе было редкостью,

и тот день не стал исключением. Нас всех распределили на работу. Сенокос на полях Бледсо завершился, но я получил другое неприятное назначение – полевые работы под железным взглядом ДиМарко. Я не собирался работать на ДиМарко. Пока остальные шли следом за Вольцем и мистером Грини в столовую, я ускользнул.

До разрушенной фермы Фростов было три мили. Добравшись туда, я увидел, что все было так же, как мы оставили тем ужасным днем, – сплошные нетронутые руины. Листья на вывороченных деревьях уже начали засыхать, стали коричневыми и ломкими. Пикап так и лежал перевернутым и по-прежнему напоминал дохлую черепаху. Я увидел кролика, грызущего молодые побеги в большом огороде миссис Фрост. Он смотрел на меня и не пытался убежать. Ферму разрушило полностью, но меньше чем в ста ярдах деревья вдоль реки остались нетронутыми.

Я спустился к козлам, на которых мистер Фрост всегда хранил каноэ. Крепкое суденышко все еще лежало на месте, укрывая весла. Я сел на речной берег и вспомнил свой последний раз здесь, последний хороший день. Если на похоронах, играя «Шенандоа», я проронил несколько слез, то теперь плакал навзрыд. Я ненавидел Альберта за его правоту. Нельзя было привязываться к миссис Фрост и Эмми. Одна была мертва, и вторая, как мне казалось, тоже. Меня ужасала судьба маленькой девочки, но что я мог сделать? В точности как с Билли Красным Рукавом. Мне никогда не стать хоро-

шим пастырем, как я хотел.

Я встал, вытер слезы, вернулся к разрушенному дому и начал разбирать обломки, пытаюсь отыскать то, за чем пришел. Я знал примерное место, до которого мне надо было добраться, и почти всю вторую половину дня поднимал, двигал, ползал и просеивал. Ударяя из Линкольнской школы, я понимал, что шансы на успех этой маленькой миссии невелики, но чем больше я копался в завалах, тем больше отчаивался.

Я увидел покрытую пылью знакомую жестяную банку. Миссис Фрост хранила в ней имбирное печенье. Я достал ее из-под обломков и открыл. Внутри еще оставалось полдюжины печений. Они остались чистыми, без песка из-за плотно прилегающей крышки. Я распахивал их по карманам и продолжил поиски. Через пять минут я увидел то, за чем пришел. Из-под куска кровельной балки торчал уголок серебряной рамки. Чтобы добраться до нее, мне пришлось подлезать, вытаскивая обломки снизу. Я осторожно вытащил рамку. Стекло разбилось, но фотография не повредилась. Я вытащил ее, убрал за пазуху, вылез из развалин и пошел прочь.

Когда я вернулся в спальню, время уже близилось к ужину, и другие мальчики умывались. Вольц увидел меня и быстро подошел.

– У тебя большие проблемы, Оди. ДиМарко вне себя от ярости. Он спустит с тебя шкуру живьем. Куда ты сбежал?

– Мне надо было кое-что сделать, – сказал я.

Альберт и Моз вышли из душевой. Оба смотрели на меня

так, будто миссис Фрост не единственная, кого похоронят в этот день.

– Оди, ДиМарко ждал возможности разделаться с тобой, – сказал Альберт. – И, проклятье, ты ему ее преподнес на блюде. Где тебя носило?

– Следи за языком, – сделал Вольц замечание моему брату.

Моз выглядел испуганным и показал: «Он сдерет кожу с твоей спины, Оди».

– Мне плевать, – сказал я. – Это было важно.

Альберт схватил меня за плечо, впившись в него пальцами ничуть не слабее, чем ДиМарко на днях.

– Где ты был? Что настолько важное?

Я не успел ответить, как услышал за спиной окрик ДиМарко:

– О'Бэньон!

Я достал фотографию, найденную в развалинах, и быстро сунул ее Альберту.

– Не дай ему ее увидеть.

Потом повернулся лицом к ДиМарко.

Он набросился как бык, и я клянусь, что доски пола дрожали. В правой руке он держал знакомый всем нам кожаный ремень.

– Винсент, – начал Вольц.

– Финсент? – сказал ДиМарко, передразнивая немецкий акцент, и предупреждающе поднял руку. – Ни слова, Герман.

На этот раз он мой. – Он сграбастал меня за воротник рубашки и потащил за собой. – Идемте, мистер.

– Я тоже пойду, – быстро сказал Вольц.

ДиМарко остановился и задумался. Я же был чертовски благодарен, потому что знал: наедине ДиМарко наверняка сделает нечто намного ужаснее, чем просто выпорет.

– Хорошо, – сказал он. – Я хочу, чтобы все эти мальчишки увидели, что бывает, когда один из них нарушает правила. Снимай рубашку, О’Бэньон, и поворачивайся.

Я медленно расстегнул пуговицы, повернулся и отдал рубашку Мозу, который смотрел на меня так, словно это его сейчас будут пороть. Я покачал головой и показал: «Все нормально».

– Альберт и Моз, держите его, – сказал ДиМарко.

– Пожалуйста, не надо, – начал Альберт.

– Держите его или тоже получите ремня. А потом я возьмусь за других мальчишек. Хотите, чтобы это легло на ваши плечи? Вы все знали, что будет именно так.

Это было правдой, потому и Вольц беспомощно стоял рядом, потому и Альберт взял меня за одну руку, а Моз за вторую, и я приготовился.

Меня пороли много раз, но никогда ДиМарко так не увлекался процессом, как в тот день. Я пообещал себе, что не доставлю ему удовольствия и не издам ни звука, но на третьем ударе все-таки вскрикнул и разразился слезами. ДиМарко дал мне еще два безжалостных удара, а потом Вольц скоман-

довал:

– Хватит!

Я испытал облегчение, когда старый немец повел меня в тихую комнату вместе с ДиМарко. Я боялся, что это не все наказания, которые были на уме у ДиМарко.

– Хорошо выпишься, О’Бэньон, – сказал ДиМарко. – На завтра у меня для тебя особое задание. Если думаешь, что сейчас тебе больно, то просто подожди. – Он повернулся к Вольцу. – Не пытайся вмешаться, Герман. Клайд Брикман сказал мне делать все необходимое, чтобы держать этого хулигана под контролем. Теперь он мой.

– Навредишь этому мальчику еще сильнее, Винсент, и – мне плевать, если меня уволят, – я изобью тебя до крови.

– Посмотрим еще, кто останется на ногах в конце, Герман. О’Бэньон, давай сюда эту чертову гармонику.

Он уже так много отнял у меня: мое чувство собственного достоинства, твердую решимость не сломаться, когда ремень снова и снова впивался мне в кожу, но потерять гармонику было тяжелее всего.

– Посмотрим, – сказал Вольц.

– Герман, губная гармоника нужна Брикману. Он сказал, что они дошли до ручки с О’Бэньоном. И послушай, ты, вшивый фриц, если думаешь прийти сюда посреди ночи дать мальчишке еды или утешение, то подумай дважды. Потому что если ты это сделаешь, я прослежу, чтобы Брикманы узнали о твоём большом секрете на карьере. Ты потеряешь свое

спиртное, свою работу и все хорошее, что ты, по твоему мнению, делаешь для этих жалких мелких паразитов.

ДиМарко забрал мою гармонику, приложил к своим гнусным губам и выдул резкую ноту. Потом закрыл и запер дверь.

Глава девятая

Много лет назад я прочитал в «Британской энциклопедии», что продолжительность жизни крыс составляет максимум три года. Я знал Фарию уже четыре. Под защитой бывшей гауптвахты он дожил до глубокой старости. Скорость и проворство, присущие ему в ранние годы, исчезли. Выбираясь из широкой щели между камнями, он не столько бежал, сколько крался вдоль стены. Он был бы легкой добычей для любой амбарной кошки. Но для меня он был старым другом, и я надеялся, что крошками, которые приносил, я смогу отблагодарить его за то, что одинокими ночами он составлял мне компанию в тихой комнате.

В тот вечер он рано вылез из укрытия. Я очень удивился, увидев в щели его усатую мордочку. Он никогда не выходил до наступления темноты. Он высунулся чуть дальше и смотрел на меня. В лунном свете его глазки всегда блестели, но сейчас они казались тусклыми. Я потянулся в карман за имбирным печеньем, которое нашел в развалинах дома Фростов. Оно поломалось, но я бросил несколько кусочков в дальний угол, чтобы выманить Фарию на открытое место. Он не шевельнулся, и это было странно. Сам я к этому времени был готов слопать лошадь. Я берег это печенье специально для Фарию, и меня беспокоило, что он будто не заинтересовался. Я бросил еще крошек поближе к нему, но он

все равно не реагировал. Наконец я бросил их в самую щель, и они рассыпались у его лапок.

Он принялся к моему угощению, но не взял, просто сидел и смотрел на меня.

Мы общаемся множеством способов: голосами, руками, буквами и даже телами. Но как говорить с крысой? Мне хотелось спросить: «Что случилось, Фариа? Плохо себя чувствуешь, старый друг?» Я, может, хотел рассказать ему сказку, чтобы отвлечь от того, что его расстроило. Или посочувствовать, потому что я и сам чувствовал себя ужасно после порки от ДиМарко. И я заговорил, тихо и успокаивающе, но Фариа просто сидел и совсем не шевелился. Наконец я осознал правду. Маленькое существо было мертво. Прямо передо мной, меньше чем в дюжине футов, он превратился в призрака.

Знаю, может показаться глупым, что я оплакивал крысу так же, как Кору Фрост. У любви множество разных облиций, как и у боли. Боль от рубцов на спине была ничем по сравнению с той, что я почувствовал, когда понял, что Фариа больше нет.

«Одного за другим», – сказал Альберт. И мне захотелось заорать на него и на Бога.

Я положил маленькое тельце на кучку соломы и пообещал, что похороню его утром. Когда стемнело, я лег, жалея, что у меня нет гармоники, потому что мне казалось, что только музыка может принести хоть какое-то облегчение. Но

ДиМарко выполнил поручение Брикмана и не оставил мне никакого утешения той ужасной ночью.

Я проснулся в темноте от скрежета ключа в замке железной двери. Я сел, испытывая благодарность за то, что Вольц не послушал угроз ДиМарко. Хотя я многое потерял, у меня еще остались друзья, и это здорово. Дверь отворилась, но на этот раз Вольц пришел без фонаря, и единственный свет, проникающий в тихую комнату, был от почти полной луны. На фоне ночного неба был вычерчен черный силуэт.

– Мистер Вольц?

– Сегодня фриц не придет, О’Бэньон.

ДиМарко. О господи. Я прополз по полу и вжался спиной в дальнюю стену.

– Тебя хочет видеть мистер Брикман, – сказал он.

– Сейчас? Зачем?

– Дочка Кору Фрост. Она сбежала. Он думает, что ты можешь знать, куда она отправилась.

Я не знал, но даже если бы и знал, не сказал бы. И все-таки это лучше, чем другая причина, по которой ДиМарко мог прийти, поэтому я последовал за ним. Но он повернул не к дому Брикманов.

– Куда мы идем? – спросил я.

– Брикман пошел проверить карьер, подумал, что она могла пойти туда. Он ждет нас там.

Я подумал, рассказал ли ему ДиМарко про самогонный

аппарат, который Вольц прячет в сарае. Как только я узнал, что ДиМарко известна тайна Вольца, то подумал, что это вопрос времени, когда он выдаст старого немца и того заставят покинуть Линкольнскую школу. Я бы не удивился, если бы это произошло сейчас, когда я уже потерял многих.

Мы, оступаясь, шли по освещаемому луной пустырю между школой и карьером, я впереди, ДиМарко сразу за мной. Когда мы дошли до сарая на краю карьера, на камне, на который всего несколько дней назад Альберт ставил сковородку с незаконной едой для нас с Мозом, стоял фонарь. Я не видел ни мистера Брикмана, ни кого-либо еще. А от того, что я увидел, меня до самых костей пробрал холод. На камне рядом с фонарем лежал кожаный ремень, которым ДиМарко порол меня днем, а рядом с ним кукурузная кукла, которую, как я думал, Билли Красный Рукав забрал с собой, когда сбежал.

– Красный Рукав плакал как ребенок, – сказал ДиМарко. Мне совсем не хотелось знать, но я все равно спросил:

– Где он?

– Там, где его никто никогда не найдет. Там же, где будешь и ты, когда я с тобой закончу.

Он поднял ремень, и тот повис в его руке. Он стоял между мной и школой, отрезав все пути к отступлению. За спиной у меня зияла пропасть карьера. ДиМарко усмехнулся в свете фонаря и бросился на меня, но я не был Билли Красным Рукавом, вялым и сломленным. Я увернулся и побежал. Край

карьера был усыпан большими кусками расколотого камня, я перескакивал их и метался зигзагами. Я слышал ругань ДиМарко за спиной и понимал, что случится, если я споткнусь. Я пробежал между двумя огромными каменными глыбами в два раза выше меня и нырнул в черную тень одной из них. Я скрючился, прижимаясь к камню и стараясь стать как можно меньше. ДиМарко пролетел мимо, но почти сразу же остановился и развернулся.

– Попался, маленький ублюдок.

Я лихорадочно шарил по земле в поисках любого, что можно было бы использовать против него. Весь край карьера был усыпан камнями, но мои пальцы не могли нащупать ни одного проклятого камня, чтобы бросить, а бежать было больше некуда.

В ярком свете луны я видел рот ДиМарко, искривленный в голодной усмешке. Я подумал о вендиго. Это существо было выдумкой, упырем из моего воображения. Но то, что смотрело на меня с края карьера, было реальным, а тьма в его сердце страшнее, чем все, что я когда-либо мог вообразить.

Повинуясь импульсу, я побежал прямо на него, сократив расстояние между нами в три быстрых шага, опустив плечи, вложив всю силу своего тела в удар. Но ДиМарко просто шагнул в сторону, и я, не успев затормозить, оказался на краю обрыва, размахивая руками, чтобы не упасть в бездну. Но тщетно.

Мне до сих пор снятся кошмары про то падение, про

разверзшуюся подо мной черную пасть, готовую раздробить мои кости своими кривыми зубами. Но к своему изумлению, я пролетел всего несколько футов и растянулся на небольшом выступе, почти невидимом в тени скального обрыва.

Я поднялся, голова едва доставала до края карьера, и прижался к скале, спрятавшись в тени. Наверху к краю подошел ДиМарко. Длинный кожаный ремень, орудие, причинившее столько боли, свободно свисал сбоку. Не думая, я схватил ремень и дернул со всей силы. Должно быть, я застал ДиМарко врасплох, потому что он молча полетел мимо меня вниз.

Любая смерть – не пустяк, и я теперь считаю, что нельзя радоваться никакой смерти. Но в то мгновение, всего мгновение после убийства ДиМарко, человека, который принес в мою жизнь и жизнь других детей только горе, я испытал восторг.

Потом меня накрыло осознание преступления, и мои колени ослабели. Я прислонился к стене карьера. Я хотел, чтобы ДиМарко умер, десятки раз представлял, как убью его. Но то в воображении. А это была реальность. Хладнокровное убийство.

Моего плеча коснулась чья-то рука, и я вздрогнул, словно от электрического разряда. Но это оказался всего лишь Моз, который стоял на краю карьера надо мной.

«Ты в порядке?» – показал он.

– Откуда ты взялся?

«Тебя не было в тихой комнате, – показал он. – Мы пошли

тебя искать».

– Ты и Альберт?

«И Вольц. Мы разделились. – Он встал на колени у края карьера и взгляделся вниз. – Я видел, как он упал, но сейчас не вижу».

– Может, он не умер?

«С двух сотен футов на голые камни. Он мертв», – показал Моз.

На плечи легла вся тяжесть моего преступления. Я убил человека. Обстоятельства не имеют значения. Я могу рассказать все подробности, но это будет слово известного смутьяна, известного лжеца. Я понятия не имел, была ли в Миннесоте смертная казнь, но если так, то меня наверняка ждал электрический стул.

Моз показал: «Идем».

Он помог мне подняться с маленького выступа, который спас мне жизнь, и я пошел прочь. Но не весь я.

Глава десятая

– Где ты был? – спросил Альберт.

– Фариа умер, – сказал я. Потом добавил: – ДиМарко тоже.

Альберт вытаращил глаза:

– Как?

– Просто умер.

– ДиМарко просто умер?

– Нет, Фариа. ДиМарко убил я.

Мы нашли Альберта и Вольца на старом плацу. Они искали меня всюду и страшно волновались.

Снова силы покинули мои ноги, и мне пришлось сесть на траву. Моз знаками объяснил им, что случилось, а Альберт перевел для Вольца.

Вольц встал на колени и заглянул мне в лицо:

– Винсент убил Билли Красного Рукава?

Я кивнул, все еще ощущая пустоту и тошноту.

– Оди, если бы ты его не убил, он сделал бы с тобой то же самое.

Я посмотрел на его доброе лицо, заглянул в понимающие глаза.

– Я хотел, чтобы он умер. Стоял там и был счастлив, что он мертв.

– Нам нельзя здесь оставаться, – сказал Альберт.

– Мы просто расскажем правду, – сказал Вольц.

– Кто поверит мальчишке вроде Оди? – спросил Альберт, и я был с ним совершенно согласен.

– Мы покажем тело Билли.

Моз показал мне: «Знаешь, где Билли?»

Я покачал головой, и Альберт сказал Вольцу:

– Он не знает, что ДиМарко сделал с Билли.

Немец почесал подбородок четырехпалой рукой и прищурился.

– Может, ты и прав. Но если вы просто сбежите, это будет выглядеть подозрительно.

– У нас нет выбора, – сказал Альберт.

Моз показал: «Куда бежим?»

– Если пойдем по дорогам, нас найдут на раз-два, – сказал Альберт.

– Может, вам удастся найти дрезину?¹⁴ – сказал Вольц. – И уехать на ней далеко.

– Они разошлют информацию, и все сторожи на дороге между Сиу-Фоллз и Сент-Полом будут начеку, – сказал Альберт.

Мы знали про сторожей. В прошлом году сбежал паренек по имени Бенджи Железное Облако. Он сел на товарный поезд, и его поймал один такой бугай, который избил его до

¹⁴ Дрезина – специальная тележка, передвигающаяся по рельсам благодаря механической работе. Обычно используется работниками на железных дорогах как средство передвижения.

полусмерти, а потом сдал властям.

– Я мог бы отвезти вас куда-нибудь, – предложил Вольц.

– Нет, – сказал Альберт. – Это наша проблема, не ваша.

– Моя, – поправил я.

Альберт смерил меня взглядом.

– Наша. Мы одна семья.

Моз кивнул и показал: «Семья».

Я перевел взгляд на поле, траву на котором всегда тщательно стригли под бдительным оком ДиМарко. Над зданием столовой висела луна, и поток ее холодного света заливал старый плац.

– Гилеад, – сказал я.

– Что? – не понял Альберт.

– Помнишь, что говорила миссис Фрост? Гилеад впадает в Миннесоту, а Миннесота впадает в Миссисипи. Мы можем взять каноэ мистера Фроста и уплыть так далеко, как пожелаем.

Моз показал: «Его уничтожил торнадо».

Я покачал головой:

– Я видел его, когда был там сегодня. Оно все еще стоит на козлах. Что думаешь, Альберт?

– Что ты не такой тупица, каким кажешься. Это пока что лучший план.

– Я отвезу вас к дому Кору, – сказал Вольц.

– Без гармоники не поеду.

– Оди, твоя гармоника у Брикманов, – сказал Альберт. –

Ее придется оставить.

– Без гармоникки я никуда не поеду.

– Не глупи.

– Езжайте, – сказал я. – Я как-нибудь достану гармонику и догоню вас.

Альберт посмотрел на Вольца, а Вольц на Альберта, и между ними произошел какой-то безмолвный диалог.

– Возможно, есть способ, – сказал Альберт.

В те времена жители Линкольна, штат Миннесота, не запирали двери. Подозреваю, что так же было в большинстве маленьких городков, где все друг друга знали. Но входная дверь дома Брикманов была заперта. И задняя тоже.

– Оди, вступи нас старым способом, – сказал Альберт и вручил свой официальный бойскаутский карманный нож, который мистер Сейферт подарил ему на день рождения.

– Старым способом? – не понял Вольц.

– Не спрашивайте, – сказал ему Альберт.

Я взял нож и подошел к одному из подвальных окон. За годы путешествий со своим отцом-бутлегером мы с Альбертом научились вскрывать замки. Открыть тот, что был на окне, не составило труда, и я быстро оказался внутри. Хотя в подвале было ужасно темно, через узкое окно за спиной лился лунный свет, и через минуту мои глаза привыкли. Я нашел лестницу и поднялся на первый этаж, где уловил запах жареной курицы. Лишение ужина было частью офи-

циального наказания, наложенного ДиМарко, и я умирал от голода. Меня так и подмывало завернуть на кухню, но я пошел напрямик к входной двери и открыл ее. Альберт и Моз вошли, и когда Вольц пытался последовать за ними, у него на пути встал Альберт.

– Вам нельзя в этом участвовать, – прошептал он.

– Я уже в этом участвую, – тихо сказал Вольц.

– Не официально. Послушайте, Герман. Если вас обвинят в чем-то из этого, Брикманы вас сожрут. Подумайте обо всех детях в Линкольнской школе, которых спасает ваша доброта. Ради них вы должны держаться в стороне от этого.

Я удивился, услышав, что Альберт зовет Вольца по имени. Я понял, что их отношения глубже, чем я думал, и это было немного обидно. Я никогда этого в них не замечал.

Было видно, как тяжело было Вольцу признать правоту Альберта, но он кивнул и остался снаружи.

– Я подожду вас. Если что-то пойдет не так, я буду здесь, – пообещал он.

Альберт тихо закрыл дверь и пошел вперед. Я никогда не был у Брикманов, но Альберт был явно знаком с расположением. Мы прошли через гостиную, в которой было светло благодаря окнам и пахло кожаной мебелью. Лампы выглядели изысканными и дорогими, а ковры, по которым мы ступали, были мягкими. Альберт провел нас в кухню, где невероятно аппетитно пахло курицей, и у меня в животе заурчало.

– Тихо, – прошептал Альберт.

– Я не ужинал, – сказал я. – Умираю с голоду.

Альберт открыл холодильник, и в нем зажегся свет. Я заметил, что Брикман едят по-королевски, и подивился, как Черной ведьме удастся оставаться такой худой. Альберт оторвал ножку от холодной жареной курицы и передал мне. Я тут же впился в нее зубами. Хотя я ненавидел все в Брикманах, их жареная курица оказалась божественной.

Альберт открыл кухонный шкафчик и засунул руку внутрь. Через мгновение темноту прорезал луч фонарика. Альберт сразу же выключил его и сделал нам с Мозом знак следовать за ним. Он провел нас вверх по лестнице на второй этаж, прямо по коридору, остановился перед закрытой дверью и показал: «Говорить буду я». Он взялся за ручку и распахнул дверь. И в тот же миг нажал кнопку на фонарике.

Луч света упал на кровать с четырьмя столбиками, самую большую, что я видел в жизни. Брикман моментально сел. Простыня закрывала его ниже пояса. Выше он был обнажен. Он оказался не один, и я подумал, что это странно, потому что миссис Брикман днем уехала на серебристом «Франклине» в Сент-Пол и вернется только через пару дней. Потом я увидел, что его дама блондинка. Она медленно села, придерживая простыню на груди. Мисс Стрэттон уставилась на луч света, как олень.

– Какого черта происходит? – рявкнул Брикман.

– Клайд, нам нужна ваша помощь, – сказал Альберт.

Должно быть, Брикман узнал его голос.

– О’Бэньон... – начал он.

– Нам нужна только гармоника Оди, и все.

– Гармоника? Что вы себе вообразили?

– Что если мы не получим гармонику, то миссис Брикман узнает про вас и мисс Стрэттон.

Учительница музыки запоздало подняла простыню, чтобы закрыть нижнюю часть лица.

– Ты не можешь мне угрожать.

– Только что это сделал.

– Кто это с тобой?

– Мой брат. И Мозес Вашингтон. И моральные устои.

Что за чертовщина. Я даже представить себе такое не мог. Но Альберт меня впечатлил. Мой брат, по сути, еще ребенок, стоял лицом к лицу с Клайдом Брикманом, который обладал в Линкольнской школе такой же властью, как король в замке, и, ей-богу, одерживал верх.

– Гармоника? – сказал Брикман. – Вам нужна только гармоника?

– И попрощаться с Эмми, – вставил я.

Это явно озадачило Брикмана.

– Прощаться?

– Мы покидаем Линкольнскую школу, – сказал Альберт.

– Даже не сомневайтесь, – сказал Брикман.

– Я так и думал, что вы будете только рады. Итак, гармоника?

«И Эмми», – показал Моз.

– И Эмми, – сказал Альберт.

– Мне надо одеться. Подождите снаружи.

– Мы подождем здесь.

Брикман откинул одеяло и встал в чем мать родила. Он натянул штаны, лежавшие на стуле рядом с кроватью, и накинул подтяжки на плечи. Потом повернулся к женщине в кровати и сказал:

– Оставайся здесь. Я разберусь с этим.

Брикман прошел мимо нас в коридор и к другой двери. Он сунул руку в карман и достал ключ.

– Вы ее запираете? – спросил я.

– Только сегодня. – Он оглянулся на свою спальню, и я понял. Но все равно мне не понравилась мысль о запертой Эмми.

Распахнув дверь, он окликнул:

– Эмми, к тебе пришли.

Он потянулся к выключателю и зажег свет. Эмми сидела в кресле в углу, в комбинезоне, рубашке и новых ботинках, как будто ждала нас. Когда мы вошли, она вскрикнула, вскочила на ноги и, пробежав через комнату, врезалась в Моза, потом обняла меня и последним Альберта.

– Я знала, что вы придете за мной.

– Эмми, мы только попрощаться. – Альберт повернулся к Брикману. – Оставьте нас на минутку.

Брикман вышел в коридор, оставив нас одних.

– Попробуетесь что-нибудь предпринять, Клайд, и я про-

слежу, чтобы Черная ведьма узнала обо всем.

Брикман даже не поморщился, услышав унижительное прозвище жены. Он лишь молча кивнул.

Когда мы остались одни с Эмми, она подняла голову, ее личико искривилось от ужаса, в глазах блестели слезы.

– Попрощаться?

Моз показал: «Мы должны уйти».

– Я знаю, – сказала Эмми. – И я хочу уйти с вами.

– Знаешь? – спросил Альберт. – Откуда?

– Просто знаю. И я иду с вами, – потребовала она со слезами в голосе.

– Ты не можешь. – Я погладил ее по стриженным волосам. – Но у меня есть кое-что для тебя. Альберт, фотографию.

По пути к Брикманам Альберт проскользнул в спальню и забрал фотографию, которую я отдал ему тогда. Ту самую, которая стояла на каминной полке в гостиной Фростов и на которой они были все вместе – мистер и миссис Фрост и Эмми – и выглядели счастливыми. Альберт передал ее мне, а я протянул Эмми.

– Эмми, я потерял маму, когда был таким же маленьким, как ты. И теперь я даже не могу вспомнить, как она выглядела. Я не хочу, чтобы ты забывала своих маму и папу. Поэтому принес тебе это. Храни ее где-нибудь в безопасном месте, где Брикманы ее никогда не найдут. Твои родители были хорошими людьми. Они заслуживают, чтобы их помнили.

Эмми прижала фотографию к сердцу.

– Вы не можете оставить меня с ними! – взмолилась она. – Они злые. Пожалуйста, возьмите меня с собой.

– Эмми, мы не можем, – сказал я.

Но тут вмешался Моз. Он похлопал меня по плечу и показал: «Почему нет?»

– Ей шесть лет, – сказал Альберт. – Как мы будем о ней заботиться?

Моз показал: «Здесь лучше?»

Мне даже в голову не приходило взять Эмми с собой, но сейчас я подумал: «А почему бы нет?» В этом был смысл. Если оставить Эмми с Черной ведьмой и ее мужем, то меня наверняка будут мучить кошмары. Будут ли заботы о малышке, если мы ее возьмем с собой, страшнее этих кошмаров?

– Моз прав, – сказал я. – Мы забираем Эмми.

– Это безумие, – возразил Альберт.

– Это все сплошное безумие, – огрызнулся я.

– Пожалуйста, пожалуйста, – попросила Эмми и обняла Альберта за пояс.

Он на мгновение напрягся, но потом расслабился.

– Хорошо, – сказал он и, отступив на шаг, посмотрел на ее штаны и рубашку. – Похоже, ты уже подготовилась.

– Что так долго? – окликнул Брикман из коридора.

Мы вышли, окружив Эмми, и у Брикмана сделался вид, будто его сейчас удар хватит.

– Вы ее не заберете, – сказал он.

– Заберем, Клайд.

– Это похищение.

– Нет, если она хочет уйти.

– Я не могу позволить вам забрать ее. Тельма с меня шкуру спустит и с вас.

– Сначала ей придется нас поймать. Где гармоника?

– Нет.

Брикман скрестил руки на груди и перегородил коридор.

– Как думаете, на что Черная ведьма разозлится сильнее? – спросил Альберт. – На то, что мы забрали ребенка, который все равно ее ненавидит? Или на то, что вы делите постель с мисс Стрэттон, как только она уезжает из дома?

Брикману было плевать на Эмми, мы все это знали. А вот легкая жизнь с миссис Брикман? Совсем другое дело. И все-таки он колебался.

– И не забудьте про нелегальный виски, Клайд, – сказал Альберт.

Об этом я не знал, но это оказалось последней каплей для Брикмана. Он развернулся на каблуках и сказал:

– Сюда.

Мы спустились следом за ним вниз в еще одну комнату. Он включил настольную лампу, и я увидел, что мы в кабинете или библиотеке. Вдоль стен стояли полки с книгами. В школьной библиотеке все книги были пожертвованными, сильно зачитанными, со сломанными корешками и выпадающими страницами. Эти выглядели почти нетронутыми.

ми. Брикман прошел в угол, к большому сейфу. Он встал на колени и повернул диск в одну сторону, потом в другую, дернул ручку вниз и открыл дверь сейфа. Его тело загораживало нам вид на то, что лежало внутри. Он протянул руку и достал револьвер.

Я знал, что Черная ведьма выстрелила бы в нас не моргнув глазом, а потом еще раз. Но мистер Брикман явно медлил.

– Вы уйдете сейчас же и не расскажете об этом никому.

– Или что?

Я повернулся: на пороге кабинета стоял Вольц.

– Ты действительно застрелишь их, Клайд? Тогда тебе придется застрелить и меня. Их ты сможешь объяснить. Меня уже не так просто.

Брикман запаниковал, и я понял, что это не к добру. Дажемышь, загнанная в угол, нападет. Револьвер в руке делал его гораздо опаснее мыши.

Положение спас Моз. На столе лежала стопка документов, прижатая большим круглым пресс-папье из какого-то темного полированного камня. Моз схватил его и бросил идеальную подачу. Пресс-папье попало Брикману в висок, и он рухнул на пол. Альберт выхватил револьвер и навел на Брикмана. Но в этом не было необходимости, потому что мужчина не шевелился, казалось, что он вовсе не дышит.

«Мертв», – подумал я. Еще одно убийство. Я бросил взгляд на Моза и увидел на его лице отчаяние. Хотя мы все ненавидели Брикмана, мысль о его убийстве, наверное, была

невыносима для доброго сердца Моза.

Мой брат приложил руку к шее мужчины.

– Пульс есть.

Моз облегченно выдохнул.

Альберт опустился на колени перед сейфом. Со своего места я видел множество документов и писем, перевязанных шпагатом и лентами. Еще там лежали деньги, две толстые пачки.

– Оди, – сказал Альберт. – Принеси наволочку с кровати Эмми.

Я побежал наверх и по коридору к ее комнате. Стянул наволочку с подушки и рванул обратно. Когда я пробежал мимо спальни Брикманов, меня окликнула мисс Стрэттон:

– Оди?

Я заглянул в дверь. Без фонарика я почти ничего не видел.

– Вы меня выдадите? – спросила она с кровати.

Если да, это будет стоить ей работы и репутации, а я не знал, есть ли у нее что-то еще.

– Нет, мэм. Обещаю.

– Спасибо, Оди. Если бы я могла, то тоже уехала бы, – добавила она.

И я понял, что пленниками Линкольнской школы были не только дети.

– Удачи, мисс Стрэттон.

– Да пребудет с тобой Бог, Оди.

Я вернулся в кабинет, отдал Альберту наволочку, и он

склонился к сейфу. Первым делом он вернул мне гармонику. Потом начал пихать в наволочку все остальное: деньги, документы, какую-то книгу в кожаном переплете и пару стопок писем, перевязанных шпагатом.

– Зачем нам все это? – спросил я.

– Если Брикманы положили это сюда, значит, оно чего-то стоит.

Очистив сейф, Альберт посмотрел на револьвер, который забрал у мистера Брикмана.

– Оставь его, – сказал Вольц. – Он только принесет лишние проблемы.

Альберт все равно бросил оружие в наволочку и встал.

– Пора уходить.

Глава одиннадцатая

Мы собрались на старом плацу под яркой луной. Квадратные темные здания Линкольнской школы возвышались вокруг нас и отбрасывали длинные тени. После стольких лет они должны были выглядеть знакомыми, но в ту ночь все казалось другим, огромным и угрожающим. Даже воздух казался опасным.

«Да пребудет с тобой Бог». Последние слова, сказанные мне мисс Стрэттон. Но я не хотел, чтобы со мной был тот Бог, которого я узнал. По моему опыту, этот Бог не давал, а только забирал, этот Бог был с непредсказуемыми х прихотями и приносил одни несчастья. Моя злость на него превосходила даже ненависть к Брикманам, потому что их отношение ко мне было предсказуемым. А Бог? Когда-то я надеялся на него, теперь же не имел понятия, чего от него ожидать.

– Ждите с другой стороны столовой, – сказал Вольц. – Я возьму свой автомобиль и подберу вас.

– Сначала мне нужно кое-что сделать, – сказал я.

– Что на этот раз? – спросил Альберт.

– Мистер Вольц, можно мне ключи от столярной мастерской? – спросил я.

– Зачем, Оди?

– Пожалуйста.

– Просто дайте их ему, Герман, – сказал Альберт. – Мы

теряем время.

Вольц достал из кармана колечко с ключами, отстегнул один и отдал мне.

– Через пятнадцать минут позади столовой, – сказал я.

Когда я открыл дверь в столярную мастерскую, меня окружила смесь запахов: лак, опилки, масло, скипидар. Я включил свет и подошел к деревянному шкафчику у одной из стен. Внутри хранились банки с краской, расставленные и подписанные в соответствии с цветом и назначением. Я взял банку черной краски и кисть с верхней полки. Выключил свет, запер мастерскую и побежал прочь.

Водонапорная башня, побелку которой прервал торнадо, теперь была заново окрашена, скрыв все следы прощального послания Сэмюэля Убийцы Многих. Я стоял у подножия одной из длинных опор, к которой крепилась лестница, и смотрел на резервуар. В лунном свете тот казался чистым и морозно-белым и был похож на лицо наивного ребенка, с надеждой обращенное к небу. Я повесил ручку банки на локоть, сунул кисть за пояс штанов и полез наверх. Опясывающие резервуар мостки находились на высоте сотни футов. Добравшись до них, я на мгновение остановился и в последний раз посмотрел на Линкольнскую школу. В моем сердце не было ничего, кроме твердости. Я видел только отбрасываемые зданиями черные тени, которые словно пожирали землю там, куда падали. Со мной было так же. Четыре года жизни, съеденные тьмой.

Выполнив то, зачем пришел, я оставил банку и кисточку и слез вниз.

Остальные ждали меня позади столовой, Вольц не глушил мотор.

– Что было такого важного? – спросил Альберт, явно недовольный задержкой.

– Неважно, – сказал я. – Дело сделано. Поехали.

Мы быстро добрались до разрушенной фермы Эндрю и Кору Фростов. Вольц остановил машину около обломков дома. Мы высыпали из машины и пошли на берег к козлам с каноэ, но Эмми задержалась. Она сунула ручку за нагрудник своего комбинезона и достала фотографию, которую я спас из-под обломков. Она долго смотрела на снимок, потом на кучу разнесенного в щепки дерева, где когда-то проходила ее жизнь, но больше не будет.

Я обнял ее одной рукой и сказал как можно мягче:

– Теперь мы твоя семья, Эмми. Мы никогда тебя не бросим.

Она подняла лицо ко мне, в лунном свете дорожки слез на ее щеках сверкнули серебром.

– Обещаешь?

– Вот тебе крест, – сказал я и перекрестился.

Под деревьями на берегу Гилеада Моз с Альбертом уже спустили каноэ на воду. Они удерживали равновесие, пока Эмми пробиралась в середину. Прежде чем последовать за ней, я протянул руку Герману Вольцу, и он бережно взял ее

в свою четырехпалую ладонь.

– Спасибо. Спасибо за все, мистер Вольц.

– Береги эту девочку, Оди. И береги себя.

– Обещаю.

Вольц протянул мне четыре сложенных одеяла, которые захватил из школы, точно таких же, как на всех койках в спальнях. Вместе с ними он дал мне полную флягу из брезента вроде тех, из которых мы пили, когда работали на полях Бледсо. На боку белой краской было написано «Вольц, столярная».

– Если нас поймают с ней, то узнают, что вы нам помогли, – сказал я.

– Если вас поймают, Оди, я буду защищать вашу и свою честь до смерти, – поклялся он.

Я сел в каноэ позади Эмми, подстелил под нее два одеяла, а другие два – под себя. Альберт бросил наволочку с содержимым сейфа Брикманов.

– Герман, на вас будут давить, – сказал он.

– Думаю, не сильно, Альберт. У нас с тобой есть кое-что на Клайда Брикмана. – Он улыбнулся и взял ладонь Альберта двумя своими. – Мне будет не хватать тебя. Всех вас.

Моз тоже пожал руку старому немцу, потом осторожно шагнул на корму каноэ, а Альберт сел на носу. Веслами они оттолкнулись от берега, и нас подхватило легкое течение Гилеада. Вольц, наверное, последний наш друг во всем мире, стоял на берегу в рваной тени деревьев.

– Да хранит вас Господь, – крикнул он на прощание.

Но Господь, про которого говорил Вольц, не был тем Господом, которого знал я. Мы начали свое путешествие навстречу неизвестности, а я думал о собственном прощальном послании, которое написал черными буквами на водонапорной башне, послании, которое, я был уверен, поймут все дети, заточенные в Линкольнской школе: «Бог есть торнадо».

Часть вторая

Одноглазый Джек

Глава двенадцатая

В ту первую ночь мы плыли под луной. На полях вокруг не было ни огонька, и мне казалось, будто мы в своем собственном мире. Ветви тополей нависали над рекой, и их тени проплывали над нами, единственными звуками были редкий шелест листвы от ночного ветерка и плеск двух весел. Железнодорожные пути шли параллельно реке, время от времени пересекая извивы русла. На берегу под одним из мостов мы различили красный свет углей, и я догадался, что это костер, разведенный кем-то вроде нас, бродягой – в те дни их было много. Моз с Альбертом придержали весла, и мы тихо проплыли мимо.

Малышка Эмми наконец легла на одеяла, которые отдал нам Вольц, и заснула. Я же при всем желании не мог сомкнуть глаз. Несмотря на то, что убийство ДиМарко лишило меня чего-то – наверное, последнего дыхания детства, – когда река и Альберт с Мозом несли нас сквозь темноту, я думал только о том, что получил. Тогда я считал это свободой, и мне не хотелось упустить ни секунды. Воздух, ко-

торым я дышал, казался чище, чем когда-либо. Белая шелковая лента освещенной луной реки, серебристые тополя и черное бархатное небо, усеянное миллионами алмазов, казались мне самым прекрасным, что я видел в жизни. В итоге я решил, что, возможно, убив ДиМарко, потерял старого себя, а мои ощущения означали рождение нового. Второе рождение Оди О'Бэньона, у которого впереди настоящая жизнь.

Через несколько часов Альберт сказал:

– Нам надо отдохнуть.

Мы пристали к берегу, разбудили Эмми и забрались туда, откуда было видно окрестности. В миле к югу или около того светилась кучка огней, маленький городок. Между нами и городом лежали открытые поля. Мы расстелили одеяла, по одному на каждого, и легли.

– Темно, – сказала Эмми. – Мне страшно.

– Вот. – Я передвинул свое одеяло, чтобы оно наложилось на ее. – Возьми меня за руку.

Она сжала мою руку, сначала крепко, но через какое-то время ее пальцы расслабились, и она заснула. Я слушал глубокое дыхание Моза – он тоже отрубился. Но я чувствовал, что Альберт на соседнем одеяле не спит.

– Мы свободны, – прошептал я. – Мы наконец-то свободны.

– Ты так думаешь?

– А ты нет?

– С этого момента мы должны быть еще осторожнее, чем

когда-либо. Нас будут искать повсюду.

– Не мистер Брикман. У тебя есть компромат на него.

– Меня беспокоит не он.

Я понял, о ком он. За исключением ДиМарко у Черной ведьмы было самое черное сердце из всех, кого я знал. Мы украли у нее Эмми. Она выследит нас, даже если это будет последнее, что она сделает. И расплачиваться будем не только мы с Альбертом и Мозом. Если Черная ведьма нас поймает, жизнь Эмми будет хуже, чем в аду.

– Надеюсь, у мисс Стрэттон все хорошо, – сказал я.

– Тебе надо беспокоиться о себе.

– Откуда ты знал про нее и мистера Брикмана?

– Я не знал.

– Тогда зачем мы вломились к ним в спальню?

– У меня было на него кое-что другое.

Я вспомнил, что Вольц сказал в кабинете: «И не забудьте про нелегальный виски, Клайд». Потом я подумал про все разы, когда Альберт с Вольцем уходили вместе, и про то, как мне показалось, что у них сложился крепкий союз, который не включал меня.

– Ты вел дела с Брикманом, – сказал я. – Нелегальный алкоголь?

– Не удивляйся так. Это наш семейный бизнес.

– Но мистер Брикман?

– Оди, этот человек настоящий мошенник. Готов спорить, что контрабанда алкоголя – лишь малая часть его дел.

Утром Альберт взял доллар из пачки купюр, которую украл из сейфа Брикманов, и отправился в городок, огни которого мы видели ночью. Пока его не было, я открыл наволочку, достал две толстые пачки и пересчитал наличность.

Я сел ровно и посмотрел на Моза:

– Двести сорок девять долларов.

«Мы можем купить машину», – показал Моз.

– Как насчет новых ботинок для вас? – мудро предложила Эмми.

У Эмми были новые крепкие оксфорды, купленные Брикманами. Я посмотрел на свои старые башмаки. В Линкольнской школе нам выдавали одну пару обуви на год. Из-за того, что они изначально были дешевыми, а еще потому, что мы носили их все время, подошвы протирались до дыр намного быстрее. Большинство из нас подкладывали внутрь картон, чтобы хоть как-то уберечь ноги.

– Новая обувь, новая одежда, новая жизнь, – сказал я, ощущая себя богаче, чем когда-либо представлял.

Я убрал деньги обратно и вынул одну из стопок писем, перевязанных шпагатом. Я развязал узел и начал разглядывать конверты. Все они были адресованы директору Линкольнской школы-интерната для индейцев. Обратные адреса были со всей Миннесоты, Равнин и дальше. Я достал одно наугад и начал читать.

Уважаемый директор,

Наш сын Рэндольф Летящая Сова учится в вашей школе. Нам очень сложно приехать навестить его. Мы хотели бы, чтобы он получил подарок на Рождество. Пожалуйста, купите ему что-нибудь особенное на доллар, который мы посылаем. Передайте, что мы попытаемся навестить его, когда сойдет снег и можно будет передвигаться по дорогам. Искренне ваши, Лоис и Артур Летящая Сова.

Я знал Рэнди Летящую Сову и знал, что он ничего не получал на Рождество. Никогда.

Я открыл и прочитал другое письмо, на этот раз от семьи из Игл-Бьютта в Южной Дакоте. Как и прочие, письмо было написано в уважительном тоне и содержало просьбу к директору разрешить их дочери, Луизе ЛеДюк, поехать домой на похороны бабушки. К письму прилагались пять долларов на автобус.

Я помнил, когда умерла бабушка Луизы. Она плакала целую неделю. Но домой так и не поехала.

Все письма были похожи друг на друга, те или иные просьбы с небольшими суммами денег. Я посмотрел на наволочку и подумал, что каждый доллар в ней символизировал надежду, надежду, которая так и не сбылась. Все письма были от семей, чьи дети, как мы с Альбертом и Мозом, никогда не ездили домой на лето и не могли сообщить об украденных деньгах.

И тут я наткнулся на письмо родителей Красного Рукава, отправленное из Чадрона в Небраске.

Уважаемый директор,

Билли Красный Рукав наш единственный сын. Он нужен на нашей ферме. Дела обстоят плохо. Его мать сильно плакала, когда его забрали. Она плачет до сих пор. Мы не знаем, к кому обратиться. Поэтому обращаемся к вам. Мы можем прислать деньги, чтобы он доехал домой на автобусе. Пожалуйста, скажите нам, что делать. С уважением, Элвин Красный Рукав.

Я опустил письмо и ощутил, что та огромная пустота все еще во мне. Найдут ли когда-нибудь тело Билли? Скажут ли его родителям, что с ним стало? Или они вечно будут высматривать на горизонте Южной Дакоты маленькую фигурку, шагающую к дому? Наволочка лежала открытой, и я видел револьвер, которым нам угрожал мистер Брикман. Мне хотелось взять его и убить Винсента ДиМарко еще раз.

Альберт вернулся с мешком, в котором лежали хлеб, баночка арахисового масла, баночка яблочного повидла и четыре апельсина – большая редкость. Я не ел апельсинов с тех времен, как приехал в Линкольнскую школу, но те, что принес Альберт, оказались сухими и безвкусными. Я убрал все обратно в наволочку и решил не рассказывать о том, что узнал. По крайней мере про Билли и про то, откуда вероят-

нее всего взялся потраченный доллар. Я знал Альберта и его моральные принципы. Я боялся, что если он узнает, откуда эти деньги, то не притронется к ним, теперь уже дважды украденным, и нам не позволит.

– Слышал что-нибудь про нас? – спросил я.

– Ничего, – сказал Альберт. – Но еще рано. Новости еще не разошлись.

Мы поели на одеялах. Моз показал Альберту: «Много денег в кармане».

– Надолго не хватит, – сказал брат.

– Мы можем купить одежду, – предложила Эмми.

Альберт посмотрел на нашу школьную униформу – темно-синие рубашки, штаны и дырявые башмаки:

– Неплохая мысль, Эмми.

Тогда я еще больше утвердился в намерении не рассказывать ему о деньгах, по крайней мере до тех пор, пока мы не наденем обновки.

Когда мы закончили есть, Эмми сказала:

– Я хочу почистить зубы.

– Разберемся с этим позже, – сказал ей Альберт.

Моз постучал моего брата по плечу и показал: «Фермер». Он кивнул на поле, граничащее с тополями, под которыми мы спали. Мужчина шел между рядами молодой кукурузы, время от времени наклоняясь, чтобы проверить качество урожая. Рядом с ним бежала черная собака. Они были на середине поля, в паре сотен ярдов от нас, и шли в нашу сто-

рону.

– Собирайтесь, – сказал Альберт. – Уходим.

Мы собрали еду обратно в мешок и сложили одеяла, но не успели спуститься к реке, как черная собака заметила нас – а может, учуяла наш запах – и залилась лаем.

– Ложись, – скомандовал Альберт, и мы легли на землю.

Фермер посмотрел в нашу сторону и что-то сказал собаке, которая рванула к нам, потом побежала обратно, потом снова к нам.

– Ползем, – сказал Альберт.

Мы поползли вниз по берегу и, оказавшись под его прикрытием, быстро побросали все в каноэ и отплыли. Альберт и Моз гребли как сумасшедшие, а я сворачивал шею, озираясь на деревья, которые укрывали нас ночью, не появится ли фермер с собакой.

– Думаешь, он нас заметил? – спросил я.

– Не знаю, – сказал Альберт. – Но мы не станем задерживаться, чтобы выяснить это. Продолжай грести, Моз.

Той ночью мы устроили лагерь возле большого поваленного тополя, наполовину перегородившего реку. Журчание воды между его ветвями напоминало по звуку сильный ветер. Вдалеке виднелся еще один маленький городок, и пока не стемнело, Альберт взял еще один доллар и отправился купить что-нибудь из еды. Он вернулся с продуктами, вечерним выпуском «Миннеаполис Стар» и обеспокоенным выражением лица.

– Все знают, – сказал он и показал нам заголовок: «Чудовищное похищение!» Под ним располагалась фотография Эмми, а рядом с ней фото водонапорной башни с последним посвящением, которое я оставил черной краской. Альберт зачитал нам статью.

В репортаже говорилось, что Мартин Грини, главный воспитатель мальчиков в Линкольнской школе-интернате для индейцев, обнаружил Клайда Брикмана, помощника директора школы, связанным в его кабинете. Брикман заявил, что на него напали трое неизвестных в масках. Они застали его врасплох в кровати и потребовали открыть сейф. Когда он отказался, они его избили. (Там была маленькая фотография Брикмана с синяком вокруг правого глаза.) Он упорствовал, они схватили Эммалин Фрост и стали угрожать ей. Тогда Брикман открыл сейф. Нападавшие выгребли все содержимое, связали Брикмана, но забрали девочку, поклявшись, как сказал Брикман: «Сделать с ней что-нибудь ужасное, если кто-нибудь попытается последовать за ними».

В статье приводились слова шерифа округа Фремонт Боба Ворфорда, грузного мужчины, которого мы частенько видели в компании Брикманов. Обычно он занимался поисками сбежавших и иногда забирал старших девочек для допросов. Когда они возвращались, было видно, что их били, а может и того хуже. Еще они были явно до смерти напуганы и никогда не рассказывали, что происходило с ними у шерифа.

«Мы быстро поймаем этих преступников, – сказал Вор-

форд газетчикам. – Это не станет вторым делом Линдберга».

В Линкольнской школе мы не сильно следили за новостями из внешнего мира, но все знали про похищение Линдберга и провальный выкуп. Как и все американцы, мы скорбели, когда узнали, что тело ребенка нашли с разбитой головой. И мы знали, что с тех пор похитителей детей преследовали без жалости.

– Маски? – удивился я. – Мы были без масок. Брикман знал нас. Почему он не сказал?

– Не знаю, – ответил Альберт. – Это неважно. Скоро округ будет кишеть копами.

– Но вы меня не похищали, – сказала Эмми. – Я хотела уйти.

– Без разницы.

– Я не хочу обратно, – сказала Эмми, и я увидел, что она вот-вот расплачется.

Моз показал: «Мы не дадим им тебя забрать. Обещаю».

– Кто связал мистера Брикмана? – спросил я.

– Должно быть, мисс Стрэттон, – предположил Альберт.

– В газете ни слова про нее. Как и про Вольца, – заметил я, и мне стало легче. По крайней мере им не грозит опасность.

– Тут сказано, что один из работников школы пропал без вести, – сказал Альберт, читая страницу дальше. – Винсент ДиМарко. Власти его ищут, хотя не подозревают в похищении.

Солнце село, и света становилось все меньше. Река бы-

ла серебристо-серой, цвета закаленной стали. Нависающие деревья казались черными на фоне бледнеющего голубого неба. Воздух стоял неподвижно, как затаенное дыхание.

Альберт взял палку и швырнул в реку, и та моментально застряла в ветвях поваленного тополя.

– Неважно, что мы всего лишь неизвестные нападавшие. Фотографии Эмми будут на всех первых станицах. Как только ее кто-нибудь узнает, нам конец.

– Простите меня, – сказала Эмми и заплакала.

Моз обнял ее. Я чувствовал, как на нас опускается тьма, не имеющая никакого отношения к ночи, и во мне всполыхнул костер сопротивления.

– Послушайте, – сказал я. – Фотография Эмми, опубликованная в газете, сделана до торнадо. Там у нее длинные кудрявые волосы. Но теперь они так коротко острижены, что она похожа на мальчика. Мы оставим ее в этом комбинезоне и проследим, чтобы никто не видел ее близко. Черт, она будет выглядеть как наш младший брат или в этом роде.

Альберт ничего не ответил. Я видел, что Моз обдумывает сказанное. Эмми же сразу повеселела.

– Я не прочь побыть мальчиком. Я умею все, что умеют мальчики.

Моз пожал плечами и показал: «Почему бы и нет?»

Альберт медленно кивнул.

– Может сработать. Достать бы ей кепку с большим козырьком, чтобы скрывал лицо. – Он посмотрел на меня

и скупо улыбнулся. – Может сработать.

Брат принес из города сыр и большой кусок болонской колбасы. Он нарезал их своим бойскаутским ножом, мы положили их на оставшийся хлеб, это и был наш ужин. После еды мы расстелили одеяла на траве, и Эмми сказала:

– Оди, сыграешь что-нибудь на гармонике?

– Никакой музыки, – резко сказал Альберт, но, увидев разочарованное личико Эмми, смягчился. – Кто-нибудь может услышать. Нельзя рисковать.

– Как насчет сказки? – предложил я.

– Да, сказку, – сказала снова счастливая Эмми.

Моз показал: «Придумай получше, Оди».

Весь день, пока мы плыли по Гилеаду, у меня в голове складывалась история. Не знаю, откуда она пришла, но складывание кусочков вместе помогало скоротать время. Ее-то я и рассказал.

– Жила-была маленькая сирота, которую звали Эмми.

– Как меня, – сказала Эмми.

– В точности как тебя. Ее отправили жить к тете и дяде, двум очень злым людям.

– Это были мистер и миссис Брикман? – спросила Эмми.

– К слову сказать, Эмми, именно так их и звали. В доме у злых Брикманов девочка была ужасно несчастна, – продолжил я. – Однажды она исследовала огромный темный дом и обнаружила в высокой башне дверь, которая обычно всегда была закрыта, но в тот день ее забыли запереть. За дверью

оказалась уютная комната с книжными полками, игрушками, симпатичным мягким диваном и маленькой настольной лампой. В углу стояло высокое старое зеркало в резной деревянной раме. Эмми решила, что это лучшая комната во всем доме, подальше от отвратительных Брикманов. Она достала с полки книгу «Ребекка с фермы «Солнечный ручей».

– У нас была такая книжка, – сказала мне Эмми. – Мама читала мне.

– Какое совпадение, – сказал я и продолжил рассказ. – Эмми устроилась на диване почитать, но вскоре услышала тихое «Привет». Это было странно, потому что Эмми была одна в комнате. «Привет», – снова окликнул голос. Эмми посмотрела в большое зеркало в углу и увидела сидящую на диване маленькую девочку, совсем как она. Но это не было ее отражение. Это была другая девочка. Эмми встала, и девочка в зеркале тоже встала. Эмми подошла к зеркалу, и девочка подошла тоже.

«Кто ты?» – спросила Эмми. «Присцилла, – ответила девочка. – Я призрак в зеркале». – «Призрак? Настоящий призрак?» – «Не совсем, – сказала Присцилла. – Это сложно объяснить». – «Меня зовут Эмми». – «Я знаю, – сказала Присцилла. – Я надеялась, что ты придешь. Давно уже здесь не было того, кто может видеть меня». – «Миссис Брикман тебя не видит?» – спросила Эмми. «Меня видят и слышат только хорошие люди». «Как ты туда попала?» – спросила Эмми. «Положи ладонь на зеркало, и я расскажу», – сказала

Присцилла.

Но как только Эмми коснулась зеркала, то оказалась внутри, а Присцилла снаружи. Присцилла захлопала в ладоши и заплясала от радости. «Я свободна! – воскликнула она. – Я так долго была заточена в этом зеркале, но теперь я свободна!» – «Что случилось?» – крикнула Эмми. «Это проклятие зеркала. Меня заточила сюда девочка, которая была внутри до меня. А теперь я – это ты, а ты – это я, и ты заперта там. Мне жаль, Эмми. Правда жаль. Но я так сильно хотела снова стать свободной».

Внезапно в комнату зашла миссис Брикман. Она грозно посмотрела на девочку, которая только что поменялась местами с Эмми, и строго спросила: «Что за крики? Эмми, что ты здесь делаешь?» – «Это не Эмми! – крикнула малышка Эмми в зеркале. – Я Эмми». Но миссис Брикман не видела и не слышала ее, потому что она вовсе не была хорошим человеком. «Идем, Эмми, – сказала она. – Я покажу тебе, что случается с маленькими девочками, которые ходят туда, куда им не положено». Она схватила Присциллу за ухо и потащила прочь из комнаты.

Эмми попыталась выбраться из зеркала, но безрезультатно. Поэтому она устроилась с книгой, которую читала с другой стороны, решив извлечь лучшее из ситуации. И знаете что? Она поняла, что действительно счастлива одна в той уютной комнатке с другой стороны зеркала.

Но прошло не так много дней, как в комнату ворвалась

Присцилла и подбежала к зеркалу. «Ох, Эмми! – воскликнула она. – Пожалуйста, пусти меня обратно в зеркало. Миссис Брикман такая ведьма. Я ее терпеть не могу. Прошу, пожалуйста, пусти меня обратно». – «Понимаю, – сказала Эмми. – Жизнь с миссис Брикман была ужасной. Но мне нравится здесь, так что, думаю, я останусь здесь, пока в дом не переедет другая семья, хорошая семья с хорошей маленькой девочкой. Может быть, тогда я выйду». Присцилла грустно отвернулась, а малышка Эмми села читать новую книжку, которую выбрала на полках. Она называлась «Алиса в Зазеркалье».

Альберт взглянул на меня и одобрительно кивнул.

– «Алиса в Зазеркалье». Впечатляюще, Оди.

Той ночью звезды казались особенно яркими. Эмми не потребовалось держать за руку, чтобы она заснула. Мозг с Альбертом, которые гребли большую часть дня, быстро заснули. В моей голове теснилось столько мыслей, что она едва не лопалась. Фотография водонапорной башни с моей надписью, моими словами во всей красе на первой полосе «Миннеаполис Стар» заставила меня чувствовать себя знаменитостью. Не как Бейб Рут, потому что его имя знали все. Но я чувствовал себя чем-то бóльшим, чем никому не известный сирота. Я начал представлять все чудесные возможности, которые могут открыться перед нами. Может, нам изменить имена? Просто на всякий случай. Может, я назовусь Баком в честь Бака Джонса, звезды вестернов? Слушая жур-

чание реки сквозь ветки упавшего тополя, я начал надеяться, по-настоящему надеяться, что мы, как Эмми из сказки, наконец оказались с безопасной стороны зеркала.

Меня разбудила маленькая ладошка на груди. Я открыл глаза. Эмми стояла, освещенная лунным светом, и ословело смотрела на меня.

– Эмми, что такое? – прошептал я.

Она протянула руку, в которой держала две пятидолларовые купюры из наволочки.

– Положи их в ботинок.

Она говорила рассеянно, словно в трансе, и я понял, что это лунатизм. Некоторые дети в Линкольнской школе были лунатиками, и Вольц всегда предупреждал нас не будить их. Поэтому я взял деньги.

– В ботинок, – сказала она.

Я спрятал их в ботинок.

– Не говори никому, ни Альберту, ни Мозу.

– Что мне с ними делать? – спросил я.

– Узнаешь, когда придет время.

Она вернулась на свое одеяло и легла. По ее размеренному дыханию я понял, что она снова крепко спит.

Я раздумывал об этом случае лунатизма, гадая, следует ли предупредить Альберта и Моза. Но было что-то в ее действиях и в том, с какой серьезностью она говорила своим тоненьким голосом. Так что я решил сохранить все в тайне.

Глава тринадцатая

– Что ты задумал?

– В смысле?

– Альберт, у тебя в кармане пятнадцать долларов. Как ты это объяснишь?

– Почему я должен объяснять?

Альберт был умным, гораздо умнее меня, но иногда, когда дело касалось других людей, он бывал весьма недогадливым. Мы шли в городок, где он купил газету прошлым вечером, собираясь купить новые ботинки и еды на день. Моз и Эмми остались охранять каноэ.

– Пятнадцать долларов, Альберт. Многовато денег для пары ребят вроде нас. Люди заинтересуются. Даже могут начать задавать вопросы. Что ты им скажешь?

– Скажу, что мы их заработали.

– Как?

– Не знаю. Наемными работниками.

– У кого?

– Слушай, Оди. Предоставь это мне. Все будет хорошо.

– Если из-за тебя мы попадем в тюрьму, я тебя убью.

– Этого не случится.

– Уж пожалуйста.

Городок назывался Вестервилль, и как в большинстве городов, которые мы видели, возле железнодорожных путей

возвышались несколько больших элеваторов. Над деревьями возвышались, как я насчитал, четыре церковных шпиля. Здесь не было здания суда, как в Линкольне, так что я сообразил, что мы еще в округе Фремонт.

Было еще рано для оживленной торговли, но магазины уже открылись. От запахов из булочной у меня потекли слюнки. Хозяйственный магазин, бакалейная лавка, аптека, магазин канцтоваров и книжный. На одной стороне улицы было небольшое кафе под названием «Лютик». Рядом находилось полицейское управление Вестервилля, перед которым стояла патрульная машина, и у меня засосало под ложечкой. Наконец мы подошли к широкой витрине, на которой витиеватыми буквами было написано «Лавка Кренна». Мы стояли перед витриной, рассматривая расставленные за ней товары, среди которых было много ботинок.

– Похоже, нам сюда, – сказал Альберт.

Я хотел войти, но Альберт медлил.

– Что не так? – спросил я.

– Ничего. Просто... – Он не договорил, глубоко вдохнул и сказал: – Хорошо.

В Линкольне имелся универсальный магазин, назывался «Соренсонс», в котором я бывал лишь однажды. Там продавалось столько разных вещей: и мебель, и одежда, и утварь, – что я думал, что даже в королевском дворце не может быть столько сокровищ. «Лавка Кренна», хоть и не большая и скромно обставленная, поражала разнообразием.

ем товаров. Мы с Альбертом прохаживались между рядами стеллажей, на которых лежали рубашки, брюки и нижнее белье, ткани и постельное белье. Мы прошли витрину с косметикой, вокруг которой витал цветочный аромат.

Мы повернули в другой проход, полный скобяных товаров, и чуть не врезались в высокого худощавого мужчину в полукомбинезоне и бейсболке. Он стоял к нам спиной, но я видел, что он внимательно рассматривал будильник, бережно держа его, словно бриллиант. Внезапно он развернулся к нам. Один его глаз закрывала черная повязка, как у пирата, а взгляд здорового глаза был достаточно злобным, чтобы испугать кабана.

Занимавшийся им продавец сказал:

– Мальчики, я займусь вами через минуту. Осмотритесь пока.

Я с радостью оставил продавца с одноглазым Грозой Кабанов, и мы наконец добрались до обуви, где коробки стояли рядами с образцами сверху. Альберт подошел к коробке с надписью «Бастер Браун» на боку. Когда он взял в руки выставленный ботинок, приятный голос за спиной спросил:

– Чем могу помочь?

Улыбавшаяся нам женщина напомнила мне мисс Стрэттон: высокая, стройная, светловолосая, с непримечательным лицом. Ее глаза казались немного странными, один как бы не успевал за другим. Но взгляд у нее был добрым, а улыбка искренней и приятной.

– Э... – начал Альберт. – Мы... э...

– Да? – подбодрила она.

Альберт посмотрел в пол и попробовал снова:

– М-мы... э... м-мы... э...

До меня дошло. Какую бы байку Альберт ни собирался рассказать, он просто не мог. Не потому, что ему не хватало смелости. Черт, он запугал Клайда Брикмана. Если это не страх, то единственным объяснением, которое приходило мне на ум, была его неспособность заставить себя соврать этой хорошей женщине.

– У моего брата дефект речи, мэм, – вмешался я. – Он заикается. Ужасно смущается от этого. Он не глупый, просто ему трудно говорить.

– Какая жалость, – посочувствовала она.

– Видите ли, – сказал я, – папа отправил нас купить новые ботинки.

Ее лицо озарилось желанием помочь.

– Что ж, с этим я точно могу помочь. Я вижу, вы смотрите наши «Бастер Браун». Это очень хорошие ботинки. – Она опустила глаза, увидела наши дешевые изношенные башмаки и, не переставая улыбаться, сказала: – Но, может, вы предпочитаете посмотреть что-нибудь подешевле?

Я обратил внимание на ботинки на стопке коробок.

– Как насчет тех?

– Армейские ботинки, сынок, – прогудел другой голос, – от «Ред Винг». Как по мне, лучшая обувь в мире. Помогли

нашей пехоте выиграть Великую войну.

К нам присоединился мужчина, обслуживавший одноглазого Грозу Кабанов.

– Сделаны здесь, в Миннесоте. Прекрасное качество. Промо-служат вечно.

– Ллойд, – сказала женщина, – не думаю, что мальчиков заинтересуют эти ботинки.

Ее взгляд вернулся к бумажно-тонкой коже у нас на ногах, и мужчина уловил ее мысль.

– У нас имеется большой выбор другой обуви, – с готовностью сказал он. – Что думаете?

– Сколько стоят «Ред Винг»? – спросил я.

– Пять долларов семьдесят центов за пару. Знаю, звучит дорого, но стоит каждого цента.

– У нас пятнадцать долларов, – сказал я. – Но нам еще нужно купить продукты на неделю.

– Пятнадцать долларов? – Мужчина явно удивился, но я это предвидел. – Откуда у вас пятнадцать долларов?

– Их отец дал, Ллойд. Как и сказал молодой человек, купить обувь и продукты на неделю.

– Вы братья?

– Да, сэр, – сказал я.

– Как получилось, что вы совсем не похожи?

– Ллойд, ты совсем не похож на своего брата. Разве не ты всегда говоришь, что самый красивый из вас двоих?

Мужчина присмотрелся к нам.

– Это у вас какая-то форма?

– Нет, сэр, – сказал я. – Эту одежду дала нам одна леди из церкви в Уортингтоне. Наверное, они получили ее от школы или еще откуда, не знаю. Но это намного лучше того, что мы носили раньше.

– Кто ваш отец?

– Клайд Стрэттон, – сказал я, ухватившись за первые два имени, всплывшие в уме.

– Не знаю такого, – сказал мужчина.

– Мы только приехали в город. Па получил работу на электростанции.

– Они нанимают рабочих? В это время года?

– Его наняли для ремонта. У па золотые руки.

– Он счастливчик, раз нашел работу в такое время.

– Это правда, – сказал я и изобразил уныние. – Но мы не знаем, надолго ли.

– А что ваша мама? – спросила женщина.

– У нас больше нет мамы, мэм. Она умерла.

– Очень жаль слышать такое, сынок.

– С тех пор мы переезжаем с места на место. И эти старые ботинки, они совершенно протерлись.

Я снял один – не тот, в который спрятал пятидолларовые купюры прошлой ночью, – и показал ей дыру.

Она посмотрела на мужчину.

– Ботинки Гувера, – сказала она и вытащила картон, который я вложил внутрь, чтобы закрыть дыры. – Кожа Гувера

ра, Ллойд.

Она посмотрела на меня с удивительным сочувствием.

– Твой брат еще ребенок, но говорит только он, – сказал мужчина Альберту. – Что такое? У тебя нет языка?

– Ллойд! – рявкнула женщина. – Мальчик заикается.

Я забрал свой ботинок с таким видом, будто это что-то мертвое.

– Па выгреб все деньги и велел нам купить новые, лучшие из того, что мы можем себе позволить. А у нас только пятнадцать долларов.

– И н-н-нам еще нужны п-п-продукты, – мучительно выдал Альберт.

– На всю неделю, – добавил я.

– «Бастер Браун» стоят два семьдесят пять за пару, – сказал мужчина. – Вам хватит на продукты и еще останется.

– Я лучше возьму «Ред Винг», – сказал я с такой тоской, что самому стало себя жалко.

Альберт метнул в меня убийственный взгляд, и я понял: он боится, что я слишком переигрываю.

– Ллойд, – резко сказала женщина.

Мужчина закатил глаза.

– Вот что я вам скажу, мальчики. Я дам отдам вам «Ред Винг» по пять долларов. Останусь без прибыли.

Альберт открыл рот, и я понял, что он готов согласиться, поэтому перебил его:

– Если вам нетрудно продать нам три пары за пятнадцать

долларов, мы могли бы купить новые ботинки и для па.

– Тогда у вас ничего не останется на еду, – сказала женщина.

– Мы умеем добывать пропитание, мэм. Мой брат хорошо умеет ловить рыбу в реке за городом. А у меня есть праща, и я попадаю белке в глаз с тридцати футов. И можно еще собирать дикие растения, если знать, что ищешь. А вот обувь. Ее мы делать не умеем. И еще кое-что. Я знаю, что для вас это не имеет значения, но сегодня у нашего па день рождения. У нас никогда не было денег купить ему что-нибудь, но если мы принесем ему новую пару тех армейских ботинок, думаю, это будет лучший подарок из всех.

Клянусь, я видел, как глаза женщины наполнились слезами.

– Ллойд, если ты не продашь мальчикам ботинки, то целый месяц будешь спать на качелях на крыльце.

Мы покинули город с тремя коробками новых «Ред Винг», тремя парами носков и маленьким швейным набором, который добавила женщина, чтобы мы могли зашить дырки в своих старых носках. Когда мы отошли достаточно далеко от последнего городского дома, Альберт сказал:

– Ложь у тебя получается сладкой, как мед, да?

Я посчитал это комплиментом и довольно ответил:

– Это дар.

– Или проклятие. У той женщины доброе сердце, Оди. Она была добра к нам, а ты ее обманул.

Это было больно. Но я стоял на своем.

– Представь, что она сейчас чувствует. Она только что помогла трем нуждающимся людям, и это истинная правда, Альберт.

– А как она будет себя чувствовать, когда поймет, что на элеваторе нет никакого Клайда Стрэттона?

– Что-то ты не очень помогал, – огрызнулся я. – Э... э... э... Ты как будто язык проглотил.

Альберт остановился и повернулся ко мне, его лицо было печальным и серьезным.

– Послушай, Оди, ты многое пережил, много плохого, и я знаю, что должен был лучше защищать тебя. Но я не хочу, чтобы ты вырос таким, как... как...

– Как Клайд Брикман? Как ДиМарко? Так ты про меня думаешь? Ну и черт с тобой.

Я как можно скорее пошел от него прочь. Не только потому, что разозлился, но и потому, что не хотел, чтобы он видел, как сильно обидел меня.

– Оди, подожди! – крикнул Альберт.

Я остановился, но не из-за него. Меня заставил вернуться звук полицейской сирены. Альберт тоже повернулся, и мы оба смотрели, как полицейская машина несется по гравийной дороге Вестервилля в нашу сторону, оставляя за собой такое облако пыли, которому позавидовал бы табун диких лошадей.

– О, черт, – сказал я.

– Полегче, Оди. Просто сохраняй спокойствие.

Утреннее солнце отражалось в лобовом стекле и слепило меня, не давая рассмотреть полицейского за рулем. Я оцепенел от ужаса. Я мог выдержать взгляд Черной ведьмы и постоять за себя перед ее мужем, но было что-то в парнях в форме, при значке и оружии, отчего мои внутренности превращались в желе.

– Помаша рукой, – сказал Альберт, когда коп подъехал. – И улыбайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.